

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова

Гуманитарно-педагогические исследования

*Научный журнал
(издается с 2017 г. четыре раза в год)*

2018 Т. 2 № 4

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», 2017

Учредитель - Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова (пр. Ленина, д. 38, г. Магнитогорск Челябинской обл., Россия, 455000)

16+ в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29.12.2010

Адрес редакции: пр. Ленина д. 26, г. Магнитогорск Челябинской области, 455000.
Тел. 8(3519) 229961, E-mail: igo@magtu.ru

Научная подготовка выпусков журнала осуществляется преподавателями Института
гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»

В оформлении обложки использована иллюстрация из книги Delbene (Barth.) Givita
veri, sive morum, ad Henricum III, Aristotelis de Moribus doctrinam carmine et picturis complexa,
et illustrate commentariis Th. Marcilii. Parisiis, Druart, 1609. In-fol., P.28-29 // Национальная
библиотека Франции, отдел редких книг, R-836 URL:
<http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb443352645> (Дата онлайн публикации: 14/02/2011)

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 45/2,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», участок оперативной полиграфии
Выход в свет 28.12.2018. Заказ 454. Тираж 500 экз. Цена свободная

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Humanitarian and pedagogical Research

Scientific Journal
(published since 2017 four times a year)

2018 VOL. 2 No. 4

© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2017

Founder - Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2017 (38, Lenin St., Magnitogorsk 455000, Chelyabinsk Region).

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.2010

Editorial office: 26, Lenin St., Magnitogorsk 455000, Chelyabinsk Region, Phone: +7(3519) 229961, E-mail: igo@magtu.ru

The scientific preparation of the journal is carried out by the lecturers of the Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University

In the design of the cover there used an illustration from the book Delbene (Barth.) Gavita veri, site forum, ad Henricum III, Aristotelis de Moribus doctrine carmine et pictures complexe, et illustrate commentariis Th.Marcilii. Parisiis, Druart, 1609. Info l., P. 28-29, the National Library of France, Rare Books Department, R836, URL: <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb443352645> (online publication date: 14/02/2011)

Editorial office:

45/2 Karla Marksa prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Publication date: 28.12.2018. Order 454. Circulation: 500. Open price.

Редакционная коллегия

Главный редактор – д-р пед. наук *Ольга Владимировна Гневэк* (Магнитогорск)
Зам. главного редактора – д-р пед. наук *Елена Николаевна Ращичулина* (Магнитогорск)
Ответственный редактор – канд. филол. наук *Светлана Леонидовна Андреева* (Магнитогорск)
Технический редактор - *Чурилов Владимир Васильевич* (Магнитогорск)

Редакционный совет

Раздел I. Образование и педагогические науки

Кружилина Тамара Васильевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Лешер Ольга Вениаминовна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Маралов Владимир Георгиевич - д-р психол. наук (Череповец)
Орехова Татьяна Федоровна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Пономарева Любовь Дмитриевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Савва Любовь Ивановна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Сайгушев Николай Яковлевич - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кувшинова Ирина Александровна - канд. пед. наук (Магнитогорск)
Лукина Оксана Анатольевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)

Раздел II. Общественные науки

Джустин Мария Тереза - проф. (Кьети, Италия)
Дубинин Сергей Николаевич - д-р психол. наук (Костанай, Казахстан)
Желеску Петр Степанович - проф., доктор психол. наук (Кишинев, Молдова)
Потемкина Марина Николаевна - д-р ист. наук (Магнитогорск)
Мусийчук Мария Владимировна - д-р. филол. наук (Магнитогорск)
Испулова Светлана Николаевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)
Макарова Надежда Николаевна - канд. ист. наук (Магнитогорск)
Чернобровкин Владимир Александрович - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Раздел III. Филологические науки

Исакова Сабир Сагынбековна - д-р филол. наук (Актобе, Казахстан)
Песина Светлана Андреевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Савельев Константин Николаевич - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Чурилина Любовь Николаевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Шулежкова Светлана Григорьевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Емец Татьяна Владимировна - канд. филол. наук (Магнитогорск)
Пустовойтова Ольга Васильевна - канд. филол. наук (Магнитогорск)
Ломакина Екатерина Александровна - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Редакторы части журнала на английском языке

Ломакина Екатерина Александровна - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Editorial team

Editor-in-Chief - *Ol'ga V. Gnevek*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Deputy editor-in-chief - *Elena N. Rashchikulina*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Managing editor - *Svetlana L. Andreeva*, Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Technical Editor - *Vladimir V. Churilov* (Magnitogorsk, Russia)

Editorial Council

Section I. Education and Pedagogical Sciences

Tamara V. Krujilina - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Leshner - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir G. Maralov - Doctor of Science in Psychology (Cherepovets, Russia)
Tatiana F. Orehova - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Ljubov' D. Ponomareva - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Liubov' I. Savva - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nikolai N. Saigushev - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Irina A. Kuvshinova - PhD in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Oxsana A. Lukina - PhD in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Section II. Social Sciences

Maria Teresa Giusti - Adjunct Professor of Contemporary History and Social History, PhD Dpt. of Literature, Arts and Social Sciences (Chieti, Italy)
Sergey N. Dubinin - Doctor of Science in Psychology (Kostanay, Kazakhstan)
Petru Jelescu - Doctor of Science in Psychology (Kishinev, Republica Moldova)
Marina N. Potemkina - Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Maria V. Musiychuk - Doctor of Science in Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana N. Ispulova - PhD in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nadezhda N. Makarova - Ph.D. in History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir A. Chernobrovkin - Ph.D. in Philosophy (Magnitogorsk, Russia)

Section III. Philology

Sabira S. Issakova - Doctor of Science in Philology (Aktobe, Kazakhstan)
Svetlana A. Pesina - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Konstantin N. Savelyev - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov N. Churilina - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana G. Shulezhkova - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Tatiana V. Emets - Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Pustovoitova - Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Yekaterina A. Lomakina - Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)

Editors of the issue of the journal in English -

Yekaterina A. Lomakina - Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
<i>Н. Я. Сайгушев, О. А. Веденеева</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ВУЗОВ К ВОЖАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ КОНТЕКСТНОГО ПОДХОДА.....	6
<i>Н. А. Бахольская</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МИФОЛОГЕМ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ ПЕДАГОГОВ	12
II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	18
<i>Е. В. Аркаев, Н. Н. Макарова</i> ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МАГНИТОГОРСКА: ЭТАПЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ПОИСКИ НОВЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ РЕШЕНИЙ (1953– 1964)	18
<i>Е. М. Буряк, Н. В. Свистова</i> ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕТСКИХ ДОМОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОРОДЕ МАГНИТОГОРСКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	28
<i>И. О. Колдомасов</i> КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ» В ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ ВРАГА И СОЮЗНИКА).....	36
III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	44
<i>А. В. Петров, Н. В. Ярина</i> «ЕСЛИ БЫ КТО-НИБУДЬ ПРИЗНАЛСЯ МНЕ В ЛЮБВИ, ЧТО ЖЕ ВЫШЛО БЫ?»: РОМАН «ОТЦЫ И ДЕТИ» В ВОСПРИЯТИИ ЕЛИЗАВЕТЫ ДЬЯКОНОВОЙ.....	44
<i>К. Н. Савельев, О. М. Буранок</i> ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ О. УАЙЛЬДА.....	51
<i>О. В. Михина</i> РАДУШНАЯ И БЕЗДУШНАЯ РОССИЯ В КНИГЕ С. ШОЛЛЬ «RUSSLAND MIT UND OHNE SEELE».....	56
IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	62
<i>С. Л. Андреева, В. О. Хвостикова</i> УТОПИЧЕСКИЙ ТИП СОЗНАНИЯ И ПОИСК ИДЕАЛЬНОГО ЛОКУСА: НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 450-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т. КАМПАНЕЛЛЫ	62
ПАМЯТКА АВТОРАМ.....	70
ГОДОВОЙ УКАЗАТЕЛЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ 2018 г.....	76

CONTENTS

SECTION I. EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES	6
<i>N. Ya. Saigushev, O. A. Vedeneeva</i> Professional Training of University Students on Vocational Activity Based on Context Approach.....	6
<i>N. A. Bakholskaia</i> The Role of Pedagogical Mythologies in Teachers' Professional Deformations	12
SECTION II. SOCIAL SCIENCES.....	18
<i>E. V. Arkaev, N. N. Makarova</i> Urban Space of Magnitogorsk: Stages of Urban Development and the Search for New Architectural Solutions (1953-1964).....	18
<i>E. M. Buryak, N. V. Svistova</i> Organization of the System of Children's Homes and Special Institutions in Magnitogorsk during the Great Patriotic War.....	28
<i>I. O. Koldomasov</i> The Category of "Image" in Historical and Psychological Study (for Example Images of the Enemy and the Ally).....	36
SECTION III. PHILOLOGY.....	44
<i>A. V. Petrov, N. V. Yarina</i> «If Somebody Made a Declaration of Love to Me, What Would Come out It?»: Novel «Fathers and Children» in Elizaveta Dyakonova's Perception.....	44
<i>K. N. Savelyev, O. M. Buranok</i> Impressionistic Motives in O. Wilde's Lyrics	51
<i>O. V. Mihina</i> Heartful and Soulless Russia in S. Sholl's Book «Russia with and without Soul» («Russland mit und ohne Seele»).....	56
SECTION IV. SCIENTIFIC LIFE.....	62
<i>S. L. Andreeva, V. O. Khvostikova</i> Utopic Type of Consciousness and the Search of Ideal Locus: Scientific Conference on the 450th anniversary of T. Campanella.....	62
INFORMATION FOR THE AUTHOR.....	70
ANNUAL INDEX OF PUBLISHED MATERIALS (2018).....	76

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.13

Н. Я. Сайгушев (Магнитогорск, Россия)

О. А. Веденеева (Магнитогорск, Россия)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ВУЗОВ К ВОЖАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ КОНТЕКСТНОГО ПОДХОДА

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о профессиональной подготовке студентов вузов к вожатской деятельности на основе контекстного подхода. В период подготовки к вожатской деятельности студент должен занимать инициативную, то есть активную позицию в учебно-профессиональной деятельности. Педагог в этом случае исполняет роль консультанта. Он не столько организует учебный процесс, сколько соучаствует в нем, вступая в диалог с обучаемыми и обогащая их целостный личностный опыт. Данный подход к профессиональной подготовке имеет своей целью развить у студентов способность осваивать новый опыт на основе целенаправленного формирования творческого и критического мышления, опыта и инструментария будущей профессиональной деятельности, ролевого и имитационного моделирования. Такой тип обучения стимулирует активный отклик на возникающие перед вожатым проблемные ситуации. Одна из трудностей внедрения контекстного обучения в профессиональную подготовку студентов вузов состоит в том, что овладение профессиональными умениями и навыками обеспечивается в большей степени в рамках и средствами качественно иной деятельности – учебной. Технология контекстного обучения студентов вожатской деятельности состоит из трех ее базовых форм: учебной деятельности с ведущей ролью лекций и семинаров (в курсе дисциплины «Организация вожатской деятельности»); квазипрофессиональной деятельности, воплощающейся в играх, спецкурсах, спецсеминарах, коллективно-творческих делах (учебной практики «Инструктивный лагерь»); учебно-профессиональной деятельности (производственной практики в детских оздоровительных центрах). Анализируемая профессиональная подготовка к вожатской деятельности, предполагающая активную позицию для студентов вуза, превращает предмет деятельности из чисто учебного в практически профессиональный.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, студент вуза, вожатый, технология контекстного обучения.

Реформирование профессиональной подготовки студентов вузов к вожатской деятельности ориентировано на активное обучение. Огромный поток педагогической литературы свидетельствует, что дидакты и методисты, теоретики и практики едины в своем стремлении выйти за рамки традиционного обучения вожатскому мастерству.

Традиционное обучение в период профессиональной подготовки студентов вузов к вожатской деятельности базируется на ретрансляции обучаемым знаний, формировании их навыков и умений с опорой на сообщение нового материала, а также на основе оценки усвоенных знаний, умений и навыков. Репродуктивный характер традиционного обучения не позволяет достичь целого ряда задач профессионального образования. Проблемы могут возникнуть, если педагог пытается добиться традиционными средствами следующих целей:

- формировать профессиональные мотивы и интересы вожатской деятельности;
- формировать логическое мышление будущего вожатого;
- вырабатывать целостное представление о вожатской деятельности;
- развивать коллективную мыслительную деятельность;
- формировать коммуникативные умения и навыки взаимодействия и общения;
- прививать ценностные ориентации и установки будущего профессионального коллектива,

общества.

Студент в период профессиональной подготовки к вожатской деятельности занимает инициативную, то есть активную позицию, в процессе обучения, поэтому педагог при сохранении руководящей роли не должен доминировать. Его задачи близки или совпадают с задачами консультанта. И здесь важно не столько организовать процесс обучения, сколько принять участие в нем. Нужен диалог с обучаемыми, обогащающий их целостный личностный опыт.

Контекстный подход к профессиональной подготовке студентов вузов к вожатской деятельности дает обучаемым возможность осваивать новый опыт на основе целенаправленного формирования творческого и критического мышления, инструментария будущей профессиональной деятельности, ролевого и имитационного моделирования. Такой тип обучения стимулирует активный отклик на возникающие перед вожатым проблемные ситуации.

Одним из педагогических способов реализации инновационной деятельности является адекватная технология обучения. Наиболее продуктивной технологией, с нашей точки зрения, является контекстная технология обучения вожатской деятельности, разработанная авторской школой А. А. Вербицкого [2]. Анализ результатов и хода внедрения указанной технологии позволяет утверждать, что под контекстной технологией понимается такое обучение, в котором с помощью всей системы дидактических форм, методов и средств моделируется предметное (техничко-технологическое) и социальное содержание будущей профессиональной деятельности специалиста. Механизм организации образовательного процесса заключается в наложении абстрактных знаний знаковых систем на канву профессиональной деятельности [2].

Как и в традиционном обучении, в контекстном обучении учебный материал предъявляется в виде учебных текстов, знаковой информации для усвоения. Далее эта учебная информация с помощью новых форм и методов моделирует предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности. От фундаментальных знаний студенты переходят к моделям, воссоздающим реальные профессиональные ситуации, типовые и нестандартные фрагменты вожатской деятельности. Обязательной частью воссоздающих моделей являются реконструкции взаимоотношений занятых в ней людей. Таким образом, студентам в рамках контекстной технологии обучения задаются контуры его профессионального труда. Единицей работы преподавателя и студента является ситуация во всей ее предметной и социальной неоднозначности и противоречивости [3]. Именно в ходе анализа ситуаций, деловых и учебных игр студент формируется как специалист, как будущий вожатый.

Процесс внедрения контекстного обучения в профессиональную подготовку студентов вузов к вожатской деятельности сопряжен с рядом трудностей по преодолению объективно возникающих противоречий.

Одна из трудностей состоит в том, что овладение профессиональной деятельностью обеспечивается в большей степени в рамках и средствами учебной деятельности, качественно отличающейся от вожатской.

Второе противоречие видится нам в том, что сами формы учебной деятельности не сопоставимы с формами усваиваемой профессиональной деятельности.

Следовательно, чтобы сформировать будущего вожатого, надо обеспечить переход от одного типа деятельности (познавательной, учебной) к другому (профессиональной, в данном случае, вожатской). Важно сосредоточиться при этом на соответствующей смене потребностей, мотивов, целей, действий, средств, предметов и планируемых результатов. Без преодоления указанных противоречий, на наш взгляд, невозможно построить полноценный процесс обучения профессиональной подготовки студентов вузов к вожатской деятельности.

Основной характеристикой образовательного процесса контекстного типа при подготовке будущих вожатых является моделирование предметного и социального содержания

будущей профессиональной деятельности. Система новых и традиционных форм и методов обучения реализуется на языке знаковых средств типовых ситуаций, которые проигрываются и проживаются студентами. В специальных дисциплинах воссоздаются реальные условия и обстоятельства профессиональных ситуаций, отбираются фрагменты будущей профессиональной деятельности и практически исследуются взаимоотношения людей, занятых в ней. Таким образом, студенту задаются контуры его профессионального труда. Единицей работы преподавателя и студента становится ситуация во всей ее предметной и социальной неоднородности и противоречивости. Именно в ходе анализа ситуаций, деловых и учебных игр (игры-коммуникации, игры-защиты от манипуляции, игры для развития интуиции, игры-рефлексии, игры на знакомства, игры работы с залом и пр.) студент формируется как специалист, как будущий вожатый.

Технология контекстного обучения студентов к вожатской деятельности складывается из трех базовых форм деятельности:

- учебной деятельности с ведущей ролью лекций и семинаров (в процессе реализации, например, специальной учебной дисциплины «Организация вожатской деятельности»);
- квазипрофессиональной, организованной преподавателем с помощью соответствующих игр, тренингов на спецкурсах, спецсеминарах, а также с помощью специального вида учебной практики («Инструктивный лагерь»);
- учебно-профессиональной (производственной практики в детских оздоровительных центрах).

Таким образом, технология контекстного обучения студентов вожатской деятельности, являясь интеграцией образования и профессиональной деятельности, ориентированной на воспитание творческой индивидуальности специалиста. Технология позволяет обучаемому раскрыться и как субъекту учебной деятельности, и как субъекту будущей профессиональной деятельности. Контекстное обучение вожатской деятельности дает студенту возможность не только познакомиться с новым видом деятельности, но и включиться в самодеятельность, реализовать свободу выбора, заняться самовоспитанием.

В технологии контекстного обучения студентов вожатской деятельности воплощаются следующие принципы профессионального образования:

- моделирования в учебно-профессиональной деятельности целостного содержания и условий профессиональной деятельности (в нашем случае, вожатых);
- связи теории и практики вожатской деятельности;
- совместной деятельности: вожатый - дети, вожатый - руководство, вожатый - вожатый, вожатый - родители;
- активности личности вожатого;
- проблемности;
- единства обучения и воспитания.

Конкретные механизмы реализации этих принципов раскрываются через формы и методы обучения контекстного типа.

Нами разработан учебно-методический комплекс на основе технологии контекстного обучения по профессиональной подготовке студентов вузов к вожатской деятельности.

Первая базовая форма деятельности (учебная) организуется в ходе изучения студентами дисциплины «Основы вожатской деятельности». Ее содержание мы сложили из следующих разделов:

1. История вожатского дела.
2. Нормативно-правовые основы вожатской деятельности.
3. Психолого-педагогические основы вожатской деятельности.
4. Технология организации воспитательной работы в детском оздоровительно-образовательном комплексе.

5. Информационно-медийное сопровождение вожатской деятельности.
6. Профессиональная этика и культура вожатого.
7. Основы безопасности жизнедеятельности детского коллектива.
8. Педагогические россыпи [1].

Вторая базовая форма (квазипрофессиональная) деятельность представлена учебной практикой «Инструктивный лагерь». Содержание специализированной практики состоит из шести разделов, освоение которых рассчитано на 2 недели. Технология реализации включает комплекс упражнений, ролевые игры, микрообучение, «лабиринты» действий, психотехнические игры.

Первый раздел «Упражнения для развития педагогической рефлексии» направлен на достижения ряда целей:

- смягчение ролевого неравенства в оппозиции «учитель - ученик»;
- поиск компенсаций этого неравенства на основе диалога;
- осознание индивидуального стиля вожатого, педагогических пристрастий;
- выбор эффективных стилей общения вожатых между собой, вожатого с детьми, руководителями детского оздоровительного центра, родителями.

Особое место занимают упражнения и игровые методы разрешения конфликтов.

Раздел «Психотехнические упражнения» включает задания для будущих вожатых, обучающие их управлению собственным психическим состоянием и регулировке самочувствия. В него входят: игры-релаксации; адаптационные игры; игры-самовнушения; игры-освобождения.

Раздел «Упражнения по развитию коммуникативных навыков» состоит из четырех блоков: развитие навыков публичного выступления; овладение сигналами, жестами и мимикой педагогического общения; игровые методы оптимизации взаимодействия вожатого с детьми и их родителями; игры тренинга общения.

Раздел «Упражнения на отработку действий вожатого в типичных и нетипичных ситуациях», взятых из жизни или смоделированных, включает: игры-защиты от манипулирования; анализ ситуаций цикла «Педагогическое наказание»; упражнения и задачи из цикла «Работа с трудновоспитуемыми подростками» и т.д.

Раздел «Педагогическая интуиция» включает упражнения на развитие воображения; упражнения на развитие навыка переходить от запланированного к экспромту и наоборот; упражнения на развитие интуиции и умение мгновенно принимать решения; групповые методы развития педагогической интуиции.

Раздел «Актерское перевоплощение и лицедейство» направлен на разбор понятий «сценарий мероприятия», «драматургия», «снятие мышечного зажима», «элементы актерского дарования в работе вожатого» и отработку соответствующих умений.

И завершается процесс обучения организацией третьей базовой формы деятельности - учебно-профессиональной, т. е. летней педагогической практики. Студент включается в качественно иной образовательный процесс. Данная практика состоит из трех разделов:

1. Подготовительный (подготовка индивидуального плана программы воспитательной практики в соответствии с заданием руководителя практики; знакомство с информационно-методической базой практики; подготовка диагностических материалов для проведения педагогической диагностики развития личности ребенка и детского коллектива; подготовка информации, необходимой для разработки сценариев воспитательных дел и методического обеспечения к ним).

2. Основной (подготовка сценариев воспитательных дел по разным направлениям (физического, интеллектуального, нравственного, эстетического, трудового) развития детей; методических материалов, необходимых для их проведения; проведение воспитательных дел в отряде и ДОО; их самоанализ).

3. Заключительный (подготовка отчета по практике; защита отчета).

Итак, контекстная технология профессиональной подготовки обучающихся к вожатской деятельности ставит студентов вуза не в пассивную, а в деятельностную позицию. Проживание субъектами образовательного процесса реальных и моделируемых профессиональных ситуаций переводит предмет их деятельности из статуса учебно-профессионального в ранг практически профессионального.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веденева О. А., Савва Л. И., Сайгушев Н. Я., Тураев Р. Р. Методика работы вожатого в детском оздоровительно-образовательном комплексе: учебное пособие. С-Пб. : Наукоемкие технологии. 2018. 175 с.

2. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: Метод. пособие. М. : Высшая школа. 1991. 207 с

3. Лаврентьев Г. В., Лаврентьева Н. Б. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета. 2002. 146 с.

N. Ya. Saigushev (Magnitogorsk, Russia)

O. A. Vedeneva (Magnitogorsk, Russia)

PROFESSIONAL TRAINING OF UNIVERSITY STUDENTS TO VOCATIONAL ACTIVITY BASED ON CONTEXT APPROACH

Abstract: The article deals with vocational training of university students for the conduct of the activities on the basis of a contextual approach. During the period of professional preparation for the leader's activity, the student must take an initiative, that is, an active position in the educational process. The teacher in this case serves as a helper or consultant. He not only organizes the educational process, but participates in it, entering into a dialogue with the trainees and enriching their whole personal experience. This approach to the vocational training of students of higher educational institutions to camp leaders' activities is aimed at developing opportunities to learn new experiences based on the purposeful formation of creative and critical thinking, experience and tools of future professional activity and role simulation. This type of training stimulates an active response to the problem situations that arise before the counselor. One of the difficulties of introducing contextual training in vocational training of university students for camp activities is that we ensure the mastery of professional activity within the framework and by means of a qualitatively different activity - a learning activity that is characterized by its own peculiarities. The technology of contextual training of students' vocational activities consists of three basic forms: educational activity with the leading role of lectures and seminars (the discipline "Organization of Vozhatskaya activity"); quasi-professional, embodied in games, special courses, special seminars (training practice "Instructive camp"); educational and professional (industrial practice in children's health centers). This professional preparation for the activity of the leaders puts the university students in an active position, the subject turns from a purely academic to a practically professional one.

Keywords: vocational training, university student, counselor, context-based learning technology.

REFERENCES

1. Vedeneva O. A., Savva L. I., Saigushev N. Ya., Turaev R. R. Metodika raboty vozhatogo v detskom ozdorovitel'no-obrazovatel'nom komplekse: uchebnoe posobie , Saint-Petersburg, Naukoemkie tekhnologii, 2018, 175 p.

2. Verbitskii A. A. Aktivnoe obuchenie v vysshei shkole: kontekstnyi podkhod: Metod. posobie, Moscow, Vysshaya shkola, 1991, 207 p.

3. Lavrent'ev G. V., Lavrent'eva N. B. Innovatsionnye obuchayushchie tekhnologii v professional'noi podgotovke spetsialistov, Barnaul, Izd-vo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002, 146 p.

Сайгушев Н. Я., Веденева О. А. Профессиональная подготовка студентов вузов к вожатской деятельности на основе контекстного подхода // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С.6-11.

Saigushev N. Ya., Vedeneeva O. A., Professional Training of University Students to Vocational Activity Based on Context Approach, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 4, pp.6-11.

Сведения об авторах

Сайгушев Николай Яковлевич - профессор, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. nikolay74rus@mail.ru

Веденева Ольга Анатольевна кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, vedeneeva12@mail.ru

Authors:

Nikolai Y. Saigushev, Dr. of Pedagogic Sciences, Professor, Department of Pedagogical Education and Document Management Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU); nikolay74rus@mail.ru

Olga A. Vedeneeva, Ph.D. of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogical Education and Document Management, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU); vedeneeva12@mail.ru

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МИФОЛОГЕМ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ ПЕДАГОГОВ

Аннотация. Одной из актуальных проблем современной педагогической науки является возможность преодоления и профилактики профессиональных деформаций педагогов. Профессиональные деформации педагогов представляют собой набор личностных качеств, деструктивно влияющих на их профессиональное поведение. Авторы предполагают, что причинами возникновения таких личностных деформаций педагогов, как агрессивность, социальное лицемерие, авторитарность, догматизм, консерватизм и эмоциональная индифферентность, являются не только синдром эмоционального выгорания и стрессогенность современной педагогической деятельности, но и наличие в сознании преподавателей педагогических мифологем, педагогических предрассудков и заблуждений. На основе анализа работ В. И. Андреева, А. В. Гладкого, И. И. Логвинова и других ученых авторы обобщили задачи педагогической мифологии как области теоретического знания, уточнили понятие мифа, в том числе педагогического, обозначили его отличие от заблуждения. Определяя педагогические мифологемы как искаженные представления педагогов и обучающихся о явлениях педагогической действительности, авторы систематизируют названные в науке истоки возникновения педагогических мифологем (такие как социум, педагогическая теория и педагогическое сообщество) и разбирают наиболее характерные, типичные примеры. В статье приведены результаты исследования педагогических мифологем у студентов педагогических специальностей Института гуманитарного образования МГТУ им. Г. И. Носова. Данные, полученные авторами, свидетельствуют о том, что для большинства студентов негативный опыт, полученный в процессе обучения в школе и/или в вузе, стал источником педагогических мифологем. Данный факт может привести в дальнейшем к возникновению у будущих педагогов негативных педагогических установок и профессиональных деформаций.

Ключевые слова: профессиональные деформации педагогов, педагогическая мифология, педагогические мифологемы

Специфика педагогической профессии, относящейся к профессиям типа «человек – человек», предъявляет ряд особых требований к личности педагога. К ним относятся: профессиональная компетентность, эрудиция, высокий уровень рефлексии и эмпатии, умения слушать собеседника и решать нестандартные ситуации и др.

Разработка психолого-педагогических основ педагогической деятельности велась и ведется в настоящее время многими исследователями. Так, достаточно детально изучены: вопросы профессиональной подготовки будущих педагогов (в работах В. Д. Шадрикова [10], Ф. Н. Гоноболына [3], Н. В. Кузьминой [4]); педагогические способности и требования к личности учителя (исследования В. А. Сластенина [8], А. И. Щербакова [12] и др.); педагогическое общение (труды А. А. Бодалева [2], А. А. Леонтьева [5], Р. Х. Шакуровым [11] и др.). При этом вопросы подготовки студентов педвузов исследованы лучше, нежели вопросы профессиональной подготовки преподавателей высшей школы.

Нам представляется интересным рассмотреть проблему, с которой так или иначе сталкивается практически каждый педагог независимо от того, является ли он учителем средней школы, преподавателем вуза или среднего профессионального образовательного учреждения. Заметим, что преподаватели технических вузов в силу недостаточности психолого-педагогических познаний, испытывают в ее преодолении большие трудности. Суть проблемы в том, что профессиональная педагогическая деятельность провоцирует возникновение у педагогов специфических личностных деформаций, т. е. формирование набора качеств, негативно влияющих на их профессиональное поведение.

Как показывает обширный педагогический опыт, степень выраженности у педагогов профессиональных деформаций зависит от особенностей их личности, от содержательной стороны деятельности, от стажа работы и даже от престижа педагогической профессии в

обществе. Анализ работ указанных ранее авторов позволяет обозначить деформации, обуславливающие профессиональную стагнацию педагогов: проявление социального лицемерия, агрессивности, авторитарности, догматизма, консерватизма и эмоциональной индифферентности. Среди причин их возникновения исследователи называют синдром эмоционального выгорания и стрессогенность современной педагогической деятельности. Однако в последние несколько лет в работах В. И. Андреева [1], И. И. Логвинова [6] и других исследователей стало рассматриваться еще одно явление, которое, на наш взгляд, имеет отношение к возникновению профессиональных деформаций. Это наличие в сознании преподавателей средней и высшей школы таких явлений, как педагогические предрассудки, стереотипы, педагогические заблуждения, педагогические мифы. Все они составляют содержание недавно заявленного исследователями нового раздела педагогики – педагогической мифологии.

Уточним, что под мифологией подразумевается не только наука, занимающаяся изучением мифов, но и сам набор мифов, продуцируемый и развиваемый определенной группой людей (например, мифология античности, мифология фирмы, мифология политического движения и др.). Педагогическая мифология представляет собой набор мифов, распространенных среди членов педагогического сообщества и отражающих искаженные представления педагогов и обучающихся о явлениях педагогической действительности. Это явление оценивается как негативное, поскольку отрицательно сказывается на эффективности профессиональной деятельности и подготовке к ней. В число задач педагогической мифологии как специфической области теоретического знания входит следующее:

- выявление источников возникновения педагогических мифологем;
- сравнительный анализ мифов, бытовавших в различные исторические эпохи;
- типологизация существующих педагогических мифологем;
- рассмотрение мифологем различных участников педагогического процесса (педагогов, учащихся, студентов);
- определение способов выявления и преодоления педагогических мифологем.

Для более точного понимания сути мифологемы уточним понятие мифа, которое имеет неоднозначное толкование в науке. В. М. Найдыш выделяет четыре наиболее распространенных толкования: 1) миф – это то, что противоречит личному опыту человека; 2) заблуждение, в котором тесно переплетаются реальность и воображение; 3) то, что не получило научного объяснения; 5) то, с чем апеллируют к эмоциям и чувствам (стереотипы в массовом сознании, призывы и лозунги) [7]. Неадекватность мифа сближает его с понятием «заблуждение», посредством которого фиксируется факт искаженного отражения реальности. Опираясь на исследования Ф. А. Селиванова [9] и др., можно выделить несколько общих признаков у мифа и заблуждения: обязательно эмоционально окрашены; используются в качестве образцов поведения; формируют цельность представления и действия; осознаются как истинные.

Наряду с понятием миф в современной литературе присутствует понятие «мифологема» (от др.-греч. μῦθος – сказание, предание и др.-греч. λόγος – мысль, причина), которое определяется как утверждение, позволяющее человеку ощущать себя и свои чувства, отслеживать происходящие в нем изменения. Это способ объяснить себе и другим факты действительности. Исходя из этого педагогические мифологемы можно определить как искаженные представления, проявляющиеся в процессе взаимодействия педагогов и обучающихся. Мифологемы – это составляющие субъективного мировоззрения, они влияют и на ценностно-смысловую сторону педагогического общения, и на педагогический процесс в целом.

Очевидны несколько источников возникновения и сфер существования педагогических мифологем. Во-первых, их порождает и использует само педагогическое сообщество; во-вторых, многие педагогические мифы зарождаются в обществе; в-третьих, корни возникновения педагогической мифологии прослеживаются в самой педагогической теории. Для иллюстрации сказанного приведем примеры девяти наиболее распространенных педагогических мифологем, источником которых являются педагогическая теория и социум.

1. *Мифологема о приоритете естественных наук над гуманитарными.* Возникла в эпоху Просвещения и основывается на взглядах Ж.-Ж. Руссо. В середине XX в. эта мифологема породила знаменитую отечественную дискуссию между «физиками» и «клириками».

2. *Мифологема о большей эффективности зарубежных педагогических систем.* Зарождение данной мифологемы связано с «европеизацией» образования, начатой Петром I и продолжившейся в XVIII-XIX вв. как увлечение французской, английской, немецкой системами образования (гувернеры-иностранцы, общение на европейских языках), вплоть до современных заимствований западных, чаще американских педагогических образцов (прагматический подход к содержанию образования, тестирование и др.).

3. *Игнорирование вклада родителей в развитие школьников.* Мифологема, возникающая в отечественной послереволюционной государственной политике, направленной на закрепление ведущей роли общества в воспитании детей, что в конечном итоге привело к снижению роли семейного воспитания.

4. Представление о том, что *педагоги-новаторы основали принципиально новую педагогическую концепцию.* Эта мифологема возникла в результате гипертрофированного внимания общественности и официальных властей в 1980–1990-е годы XX в. к педагогам-новаторам (С. Н. Лысенковой, В. Ф. Шаталову, Ш. А. Амонашвили и др.).

5. Педагогическая мифологема о *существовании некоего универсального педагогического средства*, появившаяся как результат преувеличения значимости для образования той или иной педагогической идеи или технологии (информатизации, гуманитаризации образования и др.).

6. Представление о том, что *инновационная деятельность не представляет никакой ценности и нужна только для отчетности*, ставшая закономерным следствием нововведений в образовательной политике современной России. Побочным эффектом реформирования образования стала принудительная инновационная деятельность в учебных заведениях, что на практике свелось к написанию педагогами программ и отчетов о проделанной работе.

7. *Приписывание положительных изменений в личности обучаемого только педагогическим воздействиям учителя и воспитателя.* Мифологема, которая, с одной стороны, нивелирует роль семьи в воспитании личности растущего человека, а с другой - позволяет предъявлять к учителю завышенные требования, противоречащие его должностным обязанностям.

8. *Линейное понимание процесса усвоения обучающимися новых знаний* (от простого к сложному, от известного к неизвестному), фактически не оставляющее места таким явлениям, как инсайт (от англ. *insight* – озарение, прозрение), интуиция, воображение и фантазия.

9. *Однозначное понимание конфликта в педагогической среде как вредного, опасного и непродуктивного явления.*

Определенный состав мифологем присутствует в сознании студентов и переносится из школьного возраста. Обратимся к анализу мифологем у обучающихся МГТУ им. Г. И. Носова.

Нами было проведено исследование педагогических мифологем студентов Института гуманитарного образования. В исследовании приняли участие около 90 человек. Испытуемым было предложено перечислить отрицательные характеристики и заблуждения, которые бытуют в их среде по поводу профессионально-педагогической деятельности. Согласно полученным результатам, мы объединили выявленные педагогические мифологемы и заблуждения студентов в три группы:

- 1) представления, связанные с профессией педагога;
- 2) представления, относящиеся к процессу обучения в вузе;
- 3) представления, обусловленные восприятием и осмыслением студентами образа педагога.

К числу наиболее устойчивых и воспроизводимых мы отнесли следующие утверждения:

1. *Профессия педагога - это работа скучная, неинтересная, неблагодарная, бесполезная, бесперспективная, непопулярная.* Мифологемы студентов располагаются по частоте ответов от более частотных к менее частотным.

2. Обучение в вузе сопровождается следующим набором педагогических мифологем: *в учебном процессе важны лишь предметы по специальности; студенту лучше не конфликтовать с преподавателями; лучшей стратегией для студента будет соглашательство с педагогом, даже если сложилось иное мнение; пропуск занятий не отражается на качестве знаний; педагог и студент – антагонистичные противоположности.*

3. Образ педагога складывается из следующих мифологем-характеристик: *педагог – неэмоциональный, раздражительный, эгоистичный человек. При этом: преподаватель вуза не понимает чувства обучаемых; в большинстве своем плохо знает читаемые дисциплины; стремится «завалить» студента на экзамене; школьный учитель намеренно ставит ученикам плохие отметки.*

Анкетирование студентов показало, что источником формирования приведенных выше мифологем не всегда является личный негативный опыт, полученный обучающимися в школе и вузе. Мы убеждены, что обнаруженные нами мифологемы опасны тем, что способны сформировать у будущих педагогов негативные педагогические установки.

Диагностика педагогических мифологем у будущих педагогов, управление ими, их преодоление составляют один достаточно сложный процесс, который требует значительных усилий и временных затрат, в первую очередь, со стороны преподавателей вуза. Однако организация и реализация этого процесса не только способны значительно повысить эффективность педагогической деятельности, но и могут предупредить профессиональные деформации педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В. И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. 2-е изд. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. 124 с.
2. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
3. Гоноболин Н. Ф. Психологический анализ педагогических способностей // Способности и интересы человека / под ред. Н. Д. Левитова и В. А. Крутецкого. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1962. С. 232-274.
4. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М. : Высш. шк., 1990. 117 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 236 с.
6. Логвинов И. И. Содержание и структура закономерностей процесса обучения (теория и эксперимент). М. : РАО; Издательский центр ИЭТ, 2012. 180 с.
7. Найдыш В. М. Философия мифологии. XIX – начало XXI в. М. : Альфа-М, 2004. 544 с.
8. Слостенин В. А. Некоторые проблемы педагогических исследований // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 1. С. 25-35.
9. Селиванов Ф. А.. Агасфера // Вестник ТГПУ. 2001. № 3 (28). С. 66-67.
10. Шадриков В. Д. Эволюция взглядов на природу и сущность способностей // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 58-64.
11. Шакуров Р. Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 3-18.
12. Щербаков А. И. О методологии и методике изучения психологии труда и личности учителя // Психология личности и труда учителя : сб. науч. тр. / под ред. А. И. Щербакова. Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976. Вып. 1. С. 3-29.
13. Bakholskaya N. A., Orinina L. V., Kashuba I. V., Ovsyannikova E. A., Vedeneeva O. A. Formation of civil competence of students in a multicultural environment // The European proceedings of social & behavioural sciences: RRI, 2016. P. 43-50.
14. Saigushev, N., Savva, L., Vedeneeva, O., Tsaran, A. The development of positive mounting on ef-

iciency increase of mastery in marketing among engineering university students. SHS Web of Conferences, Vol. 28, 2016, P. 01090.

N. A. Bakholskaia. (Magnitogorsk, Russia)

THE ROLE OF PEDAGOGICAL MYTHOLOGIES IN TEACHERS' PROFESSIONAL DEFORMATIONS

Abstract. One of the urgent problems of modern national pedagogy is the problem of overcoming and preventing teachers' professional deformations - qualities that destructively affect their professional behavior. The authors suggest that the causes of such personal deformations of teachers as aggressiveness, social hypocrisy, authoritarianism, dogmatism, conservatism and emotional indifference, are emotional burnout syndrome and stress of modern pedagogical activity. There are also some pedagogical myths within the teachers' minds which are an aggregate of pedagogical prejudices, delusions and myths. Based on the theoretical and methodological study of the problem under study and the analysis of the works of I. I. Logvinova, A. V. Gladkogo, V. I. Andreeva, S. D. Polyakova, V. M. Naydysh and other researchers, the authors summarized the tasks of pedagogical mythology as a new field of theoretical knowledge, clarified the concept of myth, including pedagogical, and its difference from delusion. Defining pedagogical myths as inadequate ideas that manifest themselves in the field of pedagogical interaction, whose carriers are teachers and students, the authors summarize the origins of pedagogical myths (such as society, pedagogical theory and pedagogical community) and give examples of the most common pedagogical myths. The article also summarizes the results of the study of pedagogical myths among students of pedagogical specialties of the Institute of Humanitarian Education of NMSTU. The data obtained by the authors indicate that the negative experience gained by the students in the school and university has become a source of pedagogical mythology for most students, which can later lead to negative pedagogical attitudes and professional deformations in future teachers.

Keywords: professional deformations of teachers, pedagogical mythology, pedagogical myths

REFERENCES

1. Andreev V. I. *Pedagogika: uchebnyi kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya*. 2-e izd. Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2005, 124 p.
2. Bodalev A. A. *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom*, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1982, 200 p.
3. Gonobolin N. F. *Psikhologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostei // Sposobnosti i interesy cheloveka / pod red. N. D. Levitova i V. A. Krutetskogo*. Moscow, Izd-vo APN RSFSR, 1962, pp. 232-274.
4. Kuz'mina N. V. *Professionalizm lichnosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya*, Moscow, Vyssh. shk., 1990, 117 p.
5. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moscow, Politizdat, 1975, 236 p.
6. Logvinov I. I. *Soderzhanie i struktura zakonmernosti protsessa obucheniya (teoriya i eksperiment)*, Moscow, RAO; Izdatel'skii tsentr IET, 2012, 180 p.
7. Naidysh V. M. *Filosofiya mifologii. XIX – nachalo XXI v.* Moscow, Al'fa-M, 2004, 544 p.
8. Slastenin V. A. *Nekotorye problemy pedagogicheskikh issledovaniy, Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, 2006, no. 1, pp. 25-35.
9. Selivanov F. A.. *Agasfera, Vestnik TGPU*, 2001, no. 3 (28), pp. 66-67.
10. Shadrikov V. D. *Evolyutsiya vzglyadov na prirodu i sushchnost' sposobnostei // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2007. no. 1 (2), pp. 58-64.
11. Shakurov R. Kh. *Bar'er kak kategoriya i ego rol' v deyatelnosti, Voprosy psikhologii*, 2001, no. 1, pp. 3-18.
12. Shcherbakov A. I. *O metodologii i metodike izucheniya psikhologii truda i lichnosti uchitelya // Psikhologiya lichnosti i truda uchitelya : sb. nauch. tr. / pod red. A. I. Shcherbakova. L. : LGPI im. A. I. Gertsena*, 1976, vol. 1, pp. 3-29
13. Bakholskaya N. A., Orinina L. V., Kashuba I. V., Ovsyannikova E. A., Vedeneeva O. A. *Formation of civil competence of students in a multicultural environment*, The European proceedings of social & behavioural sciences: RRI, 2016, pp. 43-50.

14. Saigushev, N., Savva, L., Vedeneeva, O., Tsaran, A. The development of positive mounting on efficiency increase of mastery in marketing among engineering university students. SHS Web of Conferences, vol. 28, 2016, p. 01090.

Бахольская Н. А. К вопросу о роли педагогических мифологем в возникновении профессиональных деформаций педагогов // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 12-17.

Bakholskaia N. A. The Role of Pedagogical Mythologies in Teachers' Professional Deformations, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 4, pp. 12-17.

Сведения об авторах

Бахольская Наталья Александровна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, [mentorna@gmail.com/](mailto:mentorna@gmail.com)

Author:

Natalia A. Bakholskaia, Ph.D. in Pedagogy, Assistant professor, Department of Teacher Education and Documentation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), mentorna@gmail.com.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 711.4(470.5)(09)

Е. В. Аркаев (Магнитогорск, Россия)
Н. Н. Макарова (Магнитогорск, Россия)

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МАГНИТОГОРСКА: ЭТАПЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ПОИСКИ НОВЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ РЕШЕНИЙ (1953–1964)

Аннотация. Актуальность исследования связана с интересом к локальной истории, истории урбанизации, градостроительства, стремлением воссоздать целостную картину формирования облика СССР в период оттепели, а также необходимостью предложить видение системы застройки города Магнитогорска в период 1953–1964 гг. В статье отражен инициированный Н. С. Хрущевым процесс перехода от элитарной архитектуры «сталинского ампира» к массовой архитектуре. Целью перехода было стремление обеспечить население СССР индивидуальными квартирами. Авторы рассматривают этапы строительства городских кварталов, анализируют проблемы перехода к крупнопанельному домостроению, показывают уникальные черты процесса застройки Магнитогорска. Изучение значимости хрущевской реформы и ее региональных особенностей выступают объектом исследования ведущих специалистов в области истории и истории архитектуры. Однако на данный момент нет исследований, в которых был бы представлен архитектурный облик Магнитогорска и отражена его специфика. Для объективного изучения проблемы исследования был использован комплексный подход, который предполагает использование общенаучных и специально-научных методов, а также методов междисциплинарных направлений исторических исследований. В данной работе нашли применение историко-сравнительный, историко-системный и ретроспективный методы. Существенную помощь в раскрытии темы оказал комплекс подходов локальной истории. На основе разнообразных источников (неопубликованная делопроизводственная документация, планы и схемы поквартальной застройки, отобранные в МКУ «Городской архив» Магнитогорска; материалы периодической печати; результаты интервьюирования горожан; электронный справочник 2 ГИС) авторы делают выводы о ходе экспериментов в сфере градостроительства на территории Магнитогорска в период оттепели. Собранный материал позволяет судить о субъективных и объективных причинах нарушения планов застройки в этот период; об уникальном опыте Магнитогорска как одного из городов-пионеров, использовавших на практике метод крупнопанельного домостроения; о специфике реализации городской застройки в период оттепели и о влиянии архитектуры анализируемого периода на особенности современной городской среды с ее достоинствами и недостатками; о темпах жилищного строительства и темпах роста численности населения; о возникновении стихийной застройки.

Ключевые слова: история, СССР, Урал, Магнитогорск, градостроительство, панельное домостроение, хрущевская оттепель.

Город Магнитогорск – это один из крупнейших промышленных центров СССР, созданных в годы форсированной индустриализации. В процессе создания Магнитогорска применялись экспериментальные формы строительства «нового города», «нового быта» и «нового человека». Одним из наиболее ярких экспериментов в Магнитогорске стал градостроительный проект. Фактически он был начат в 1930-е гг., когда на территории левого берега по проекту немецкого архитектора Э. Мая начали строительство первого и второго кварталов социалистического города. Именно здесь предполагалось организовать идеальный новый мир. По разным причинам социалистическая мечта не была реализована, а развитие города Магнитогорска продолжилось на правом берегу реки Урал. Активная фаза строительных работ правобережной части города осуществлялась в послевоенный период, одновременно продолжались поиски формы наиболее приемлемого жилья для горожан. Период 1953–1964 гг. не стал исключением: город оставался экспериментальной площадкой.

Вопросами градостроительства и архитектурных и планировочных решений в СССР

профессиональные историки занимаются довольно давно. Однако Магнитогорск и его архитектурно-градостроительные реалии стали объектом пристального внимания относительно недавно. В трудах, посвященных теории и истории советской архитектуры 1953–1964 гг. [1; 2] представлен обзор наиболее значимых построек и градостроительных проектов хрущевского периода. Однако состав этих проектов включает лишь единичные, наиболее престижные, выдающиеся произведения, которые, как правило, возводились в Москве, Ленинграде или столицах союзных республик в качестве экспериментов либо в образцово-показательных целях.

В советской историографии существует целый цикл монографий биографического характера, посвященных творчеству мастеров советской архитектуры, особенно расширившийся в постперестроечный период. Однако в этих работах не представлен анализ массовой застройки в провинции. Современная историческая наука довольно активно занимается вопросами градостроительства СССР. Среди ведущих ученых следует назвать М. Г. Мееровича [6–9], С. С. Духанова, С. Г. Кара-Мурзу [11], Е. В. Коньшеву [4; 5]. Проблематика городоведческих исследований популярна в России и за рубежом. Регулярно публикуются сборники трудов и монографии, посвященные истории развития городов и процессам урбанизации [10]. Несмотря на большое количество исследований по вопросам градостроительства и архитектуры, до настоящего момента отсутствуют исследования об архитектурном облике Магнитогорска в 1953–1964 гг. В данной статье авторы предлагают обзор ситуации в Магнитогорске в сфере градостроительства в период хрущевской оттепели. Хронологические рамки исследования весьма условны, т. к. смена архитектурного облика города происходила постепенно после 1945 г. Однако, в 1953 г. был разработан очередной генеральный план, предусматривавший развитие Магнитогорска на правом и левом берегах реки. В основу исследования были положены следующие источники: акты центральных органов власти, архивные данные, карта строительства Магнитогорска, электронный справочник с картами городов 2ГИС, публикации газеты «Магнитогорский рабочий» за исследуемый период.

Карта города 1965 г. представляет собой достаточно информативный источник. На ней представлены как уже построенные и введенные в эксплуатацию дома и жилые кварталы Магнитогорска, так и объекты текущего строительства, каждому из которых были присвоены номера и индексы. Дома, которые только планировалось построить, нумеровались отдельно¹. Особое внимание стоит уделить названиям улиц и проспектов, поскольку с течением времени в виду объективных причин их наименования менялись. Основными транспортными магистралями в исследуемый период являлись: пр. Пушкина, пр. Ленина (до 1961 года – пр. Сталина), пр. Карла Маркса (до 1962 года – улица Ленина, с 1962 года по 1968 год – улица Мира); ул. Комсомольская, ул. Советская, ул. Чайковского, ул. Гагарина (до 1961 года – ул. Смоленская).

В квартальном строительстве города выделяют несколько этапов. На первом этапе (1930–1940 гг.) строительство города носило несколько непродуманный характер – первые построенные кварталы не представляли единого целого, чередовались типы застройки. В кварталах № 1 и 2 применялось свободно строчное планирование, в то время как в кварталах № 7, 7а – периметрально-фронтальное. Это отрицательно сказывалось на внешнем облике левобережной части города. Строительные практики предвоенного времени, характеризовавшиеся началом возведения домов на правом берегу реки Урал, имели схожие недостатки – отсутствие целостной застройки, возведение отдельными кварталами – № 2, 3, 3а, 3б, 14а. Второй этап (1947–1949 гг.) был ознаменован переходом к комплексной застройке жилых кварталов, включавшей двустороннюю застройку магистралей. Это были кварталы под номерами 4а, 7а, 14б, 15а, которые отличались небольшими размерами. Их периметрально-фронтальная застройка была плотной, к тому же мелкие кварталы придавали городу поселковый характер. Третьему этапу (1950–1952 гг.) свойственно сохранение размеров кварталов и

¹План-схема города Магнитогорска за 1965 г. МКУ «Городской архив» Магнитогорска. Ф. 272 Магнитогорское Управление главного архитектора. Оп. 1. Д. 136. 2 л.

простым и дешевым. Однако не всегда проекты принимались в строительстве повсеместно. Например, при застройке квартала № 22-а крупнопанельными домами применялось возведение угловых домов, согласно приемам периметрального строительства (рис. 2). Это приводило к усложнению процесса обработки фасадов, что в условиях заводского домостроения применялось плохо.

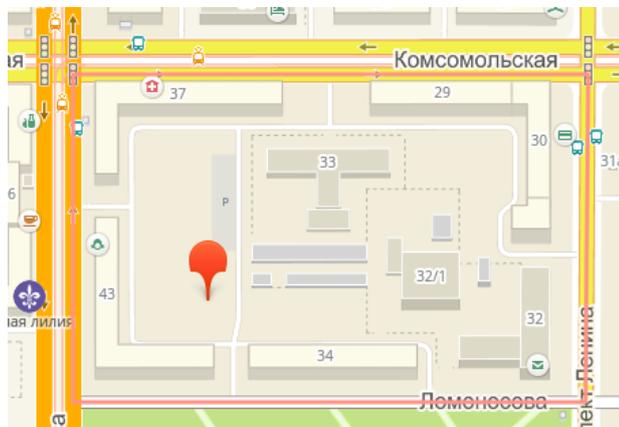

Рис. 2. Планировочная схема. Квартал 22-а [12]

В период 1956–1958 гг. типовой проект был реализован в результате комплексной застройки квартала № 19-б крупноблочными домами серии I-499 (рис. 3). Применение домов такого типа – это первый опыт типового строительства в г. Магнитогорске. Среди преимуществ данного проекта выделяются следующие черты: простая и четкая композиционная схема квартала, отсутствие угловых домов, размещение меридиональных и широтных домов в качестве защиты от господствующих ветров. Квартал состоит из трех, один за другим следующих жилых домов, вытянутых в меридиональном направлении. Территория квартала делилась: на застройку отводилось 24 % территории, а на спортивные и озелененные зоны – 54 %.

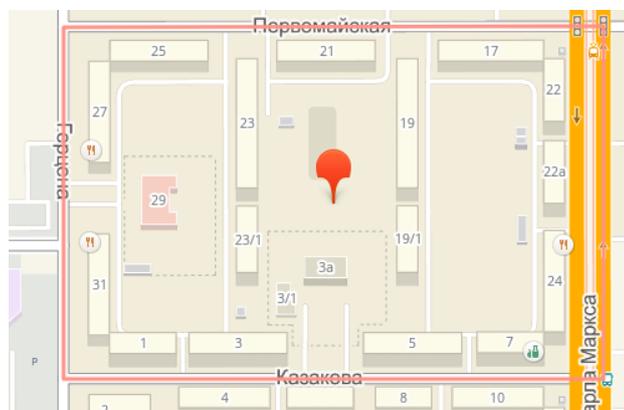

Рис. 3. Планировочная схема. Квартал 19-б [12]

К концу 1950-х г. проектировщики пришли к выводу, что принцип микрорайонирования является наилучшим вариантом размещения города. Кроме того, ранее построенные небольшие кварталы также становились частью микрорайона, довольно часто с большой площадью.

К таким микрорайонам относятся кварталы № 60, 61, 62 (рис. 4) и 63-64 [5]. Центральную часть их территории занимают жилой массив и спортивный комплекс, к которым прилегают участки детских садов и школ. Зона жилой застройки располагается по периметру микрорайона, она состоит из жилых домов, обращенных в зеленую зону. К числу достоинств микрорайонов относится создание широкой сети объектов культурно-бытового обслуживания. В состав жилого комплекса вошли столовые, магазины, учреждения хозяйственно-

бытового назначения. Укрупненные кварталы № 63-64 объединили здания общегородского значения – закрытый плавательный бассейн и Дворец пионеров.

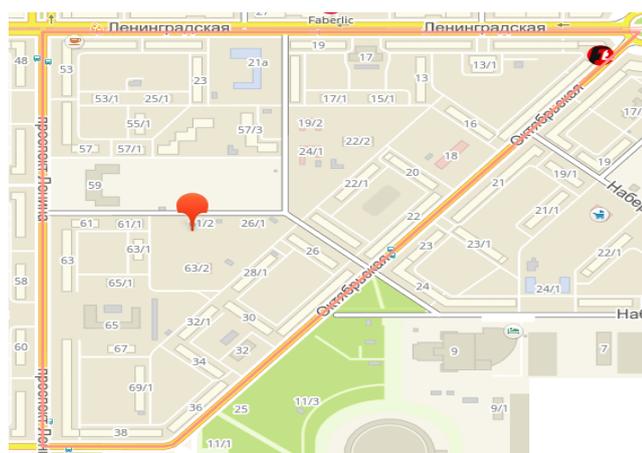

Рис. 4. Планировочная схема. Квартал 60–62 [12]

Новые принципы градостроительства нашли отражение и в малоэтажном строительстве. Комплексная застройка поселка имени Дзержинского, проходившая в 1958 г., носила подобный характер. Жилой массив, состоит из пяти кварталов общей площадью 14 га. В центре каждого квартала – фруктовый сад. Двухэтажные жилые дома располагаются по периметру застройки, между ними – детские и спортивные площадки.

С середины 1950-х гг. государственный аппарат стремился оптимизировать и удешевить строительные работы. С этой целью Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР опубликовал постановления «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства»² и «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»³. Результатом этого становится переход к принципу свободной планировки, т. е. строительные работы проводились не по определенному порядку, а по факту освобождения строителей и близости возводимого объекта. Недостатками такого строительства являлись недостаточная координация строительных операций, строительство в кварталах без заранее проведенных инженерных работ, отсутствие целостной картины производимых действий у руководителей строительства при соблюдении общего плана. Главным преимуществом указанного подхода было быстрое разрешение проблемы дефицита жилья.

Изменение вектора строительной политики нашло отражение в местной прессе. Работу над заводом крупнопанельного домостроения объявили ударной стройкой. В прессе прослеживалось внимание и к заводу, и к домам нового типа⁴. Первые «удешевленные» дома были возведены в городе в 1955 г. на строительной площадке Ленинского района. Но архитекторы и экономисты продолжали искать оптимальный вариант жилого дома, который бы отвечал всем требованиям эпохи.

В 1960-е гг. в строительстве сохранялись принципы свободной планировки и микрорайонирования. В 1960 г. жилищное строительство проводилось поквартально и «концентрированно», т. е. архитекторы стремились создать главным образом комплекс, а не отдельное здание. Градостроительные практики в Магнитогорске в основном велась по типовым проектам серии 1-439 (крупноблочные) и 1-464 (крупнопанельные).

В конце декабря 1961 г. в Челябинске проходило совещание по крупнопанельному до-

² Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 23.08.1955 № 1548 «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» // Экспертная библиотека НИИ Корпоративного и проектного управления. URL: http://www.expert-nii-kpu.ru/files/native_exp/native_m/23.08.1955г (дата обращения: 11.10.2018).

³ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 04.11.1955 № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // Интернет архив законодательства СССР. Более 20000 нормативно-правовых актов. СССР. LibUSSR.RU. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5043.htm (дата обращения: 11.10.2018).

⁴ Магнитогорский рабочий. 1955. 27 апреля.

мостроительству Урала и Западной Сибири. По результатам оценки экспертов, качество крупнопанельного и крупноблочного строительства было признано хорошим. Позитивные отклики об использовании шлакобетонных блоков мы находим и на страницах газеты «Магнитогорский рабочий»⁵.

Однако проблемы крупнопанельного домостроения сохранялись, к примеру, все еще не были решены вопросы технологии заделки стыков и перехода на однослойные панели⁶. Такая ситуация была характерна и для новых кварталов, только начавших возводиться. В начале 1960-х гг. расширились границы строительных работ в городе Магнитогорске – кварталы 124, 130 производились южнее ул. Грязнова (рис. 5).

Рис. 5. Планировочная схема. Квартал 130 [12]

Существенную трудность при возведении строительных объектов создавало отсутствие генерального плана. С 1929 по 1939 гг. строительные работы проводились без плана. Только в 1939 г. было принято решение о строительстве города на правом берегу реки Урал и утвержден генеральный план. Начавшаяся Великая Отечественная война не позволила его реализовать. Вплоть до 1947 г. строительство в Магнитогорске продолжалось без утвержденного генерального плана. Но и новый генплан постоянно корректировался, поскольку не соответствовал темпам роста населения. Указанная проблема сохранилась до нашего времени. Отсутствие плана привело к тому, что уже в период хрущевской оттепели проектировщики были вынуждены отказаться от западного направления разрастания города. Причиной этого стало наличие стихийной застройки (ныне поселок Крылова). Поселок был возведен жителями города без разрешения управления по строительству и архитектуре, что, в конечном счете, определило развитие строительства города по направлению с севера на юг вдоль реки Урал (на Востоке границей был ММК).

В исследуемый период произошел переход к принципу микрорайонирования. Городское строительство благодаря нему становилось более масштабным, обеспечивалась целостность внешнего облика города. Специфическими чертами применения этого принципа в Магнитогорске стали ориентация на розу ветров в планировке города, периметральный характер застройки.

Жилищный фонд города в 1953–1964 гг. возрастал. Объем капитального жилья в 1954 г. составлял 470 тыс. кв. м.; в 1955 г. – 628 тыс. кв. м.; в 1956 г. – 813 тыс. кв. м.; в 1957 г. – 933 тыс. кв. м.; в 1958 г. – 1111 тыс. кв. м.; в 1959 г. – 1275 тыс. кв. м.; в 1960 г. – 1465 тыс. кв. м.; в 1961 г. – 1610 тыс. кв. м.; в 1962 г. – 1764 тыс. кв. м.; в 1963 г. – 1894 тыс. кв. м.; в 1964 г. – 2019 тыс. кв. м.⁷ Магнитогорцы получили возможность переселения в капи-

⁵ Магнитогорский рабочий, 1955. 15 марта.

⁶ МКУ «Городской архив» Магнитогорска. Ф. 272 Магнитогорское Управление главного архитектора. Оп. 1. Д. 112. Отчеты по объектам строительства и работе государственно-архитектурно-строительного контроля за 1962 год. Л. 28.

⁷ Расчет авторов на основе: МКУ «Городской архив» Магнитогорска. Ф. 272 Магнитогорское Управление главного архитектора. Оп. 1. Д. 1-178.

тальное жилье. Несмотря на негативные оценки современных специалистов «хрущевок» как типа жилья, рядовые советские граждане были рады своим новым квартирам.

При переходе к типизации жилищных объектов в городе Магнитогорске в исследуемый период сохранялись традиции применения разнообразных архитектурных стилей и решений. Это было связано, в том числе, с поиском оптимального типа жилого дома. Магнитогорск выступал экспериментальной площадкой не только в плане применения типового домостроения, но и новых ограниченных проектов. В 1954 г. в рамках реализации жилищного строительства были возведены объекты по типовым проектам МСПТИ 201-18, ММ 8-50, К-8-49, 227 серия 102 и другие. Советские архитекторы вновь начали использовать опыт зарубежных стран.

Качество вводимых в эксплуатацию объектов не всегда соответствовало ожиданиям будущих жильцов. Отраслевой принцип расселения граждан, свойственный концепции «нового города» сохранялся в 1953–1964 гг. и прослеживался позднее: существовали кварталы рабочих, учителей, строителей. Особенность подобного расселения в городе Магнитогорске – преимущество работников градообразующего предприятия при получении квартир. Работники ММК в первую очередь получали жилье.

Объекты городского благоустройства в 1953–1964 гг. оставались проблемной сферой городского строительства: качество дорог, тепло- и энергосетей, мостов, водоснабжения оставляло желать лучшего. Переход к принципу свободной планировки лишил строителей возможности своевременно осуществлять инженерные работы. Объекты социальной инфраструктуры (детские сады, школы, больницы, дома культуры, театры и кинотеатры и др.) в данный период активно вводились в эксплуатацию. В 1953 г. было принято в эксплуатацию 57 объектов; в 1954 г. – 248 объектов; в 1955 г. – 121 объект; в 1956 г. – 127 объектов; в 1957 г. – 121 объект; в 1958 г. – 128 объектов; в 1959 г. – 178 объектов; в 1960 г. – 177 объектов; в 1961 г. – 94 объекта; в 1962 г. – 90 объектов; в 1963 г. – 65 объектов; в 1964 году – 67 объектов⁸. Среди них следует назвать кинотеатр «Комсомолец», Дворец культуры Метизников. Преимущество в строительных работах отдавалось жилым домам, а не объектам городской инфраструктуры. К середине 1950-х г. в городе Магнитогорске назревала экологическая проблема, связанная с близостью города к Магнитогорскому металлургическому комбинату. Решить проблему путем переноса города на значительное расстояние не удалось в связи с ограниченными финансовыми возможностями. Способом решения проблемы виделось активное озеленение города, которое, однако, не всегда было последовательным и комплексным. Работы по озеленению проводились на территории города довольно часто, но природно-климатические особенности, отсутствие навыков подобной работы, финансовые трудности не позволяли проводить озеленение более эффективно.

Таким образом, к анализируемому периоду в строительстве Магнитогорска сложился целый комплекс проблем, которые были разрешены в той или иной степени благодаря переходу к принципу микрорайонирования. Городское строительство становилось более масштабным. Укрупненные зеленые зоны частично решали вопрос санитарно-гигиенического состояния города. Микрорайонирование обеспечивало целостность внешнего облика города. К специфическим чертам применения указанного принципа в Магнитогорске можно отнести ориентацию на розу ветров в планировке города и периметральный характер застройки. Среди особенностей реализации градостроительства следует отметить следующие черты: во-первых, в период оттепели на территории Магнитогорска продолжались различные эксперименты в сфере градостроительства; во-вторых, как и в период сформированной индустриализации, планы застройки регулярно нарушались и пересматривались в силу объективных и субъективных причин; в-третьих, Магнитогорск стал пионером практического использования метода крупнопанельного домостроения; в-четвертых, особенности реализации городской застройки в период оттепели сформировали особенности современной городской среды

⁸ МКУ «Городской архив» Магнитогорска. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1-178.

с ее достоинствами и недостатками; в-пятых, темпы жилищного строительства отставали от темпов увеличения численности населения; в-шестых, существовала стихийная застройка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов К., Шкварников В., Галактионов А., Радов Г. Основы советского строительства: В 2 т. Т. 1. М. : Сройиздат, 1966. 415 с.
2. Баранов К., Шкварников В., Галактионов А., Радов Г. Основы советского строительства: В 2 т. Т. 2. М. : Сройиздат, 1967. 344 с.
3. Казаринова В. И., Павленков В. И. Магнитогорск. / под ред. Г. Б. Минервина. М. : Госстройиздат, 1961. 248 с.
4. Коньшева Е. В. Полигон для эксперимента: западные градостроительные новации в проектах Вальтера Швагенштайдта для советских социалистических городов // Academia. Архитектура и строительство. Москва, 2017. № 1. С. 85-91.
5. Коньшева Е. В. Солнце воздух и дом для всех? Европейский опыт массового жилищного строительства и его советские вариации в годы первых пятилеток // Quaestio Rossica, 2016. № 3. С. 34-54.
6. Меерович М. Г. Хрущевская жилищная реформа: борьба с «архитектурными излишествами» - наказание «виновных» // Октябрь 1917 В истории архитектуры и изобразительного искусства Сибири : Избранные тезисы Всероссийской научной конференции, приуроченной к столетию Октябрьской революции 1917 года / отв. ред. Д. Д. Гаркуша, Е. Ю. Орлова, С. С. Духанов. Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2017, С. 101-107.
7. Меерович М. Г. Хрущевская жилищная реформа: первые шаги // Октябрь 1917 в истории архитектуры и изобразительного искусства Сибири. Новосибирск, 2017. С. 88-93.
8. Меерович М. Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917-1937 гг. М. : РОССПЭН, 2008. 303 с.
9. Меерович М. Г. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е годы // Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 84-118.
10. Сибирские строители: события и судьбы : сб. статей Всероссийской научной конференции / ред. Д. В. Кирилук, М. А. Авимская, А. С. Иванов. Курган : ООО «Курганский дом печати», 2017. 564 с.
11. Хан-Магомедов С. О. Константин Мельников. М. : Архитектура, 2007. 296 с.
12. Электронный справочник с картами городов: 2ГИС. URL: <https://2gis.ru/magnitogorsk> (дата обращения: 11.10.2018).

E. V Arkaev (Magnitogorsk, Russia)
N. N. Makarova (Magnitogorsk, Russia)

URBAN SPACE OF MAGNITOGORSK: STAGES OF URBAN DEVELOPMENT AND THE SEARCH FOR NEW ARCHITECTURAL SOLUTIONS (1953-1964)

Abstract.. The relevance of the study is related to the interest in local history, the history of urbanization, urban planning, the desire to recreate a holistic picture of the formation of the USSR during the thaw, as well as the need to offer a vision of development of Magnitogorsk city of in this period. The article presents the transition from elite architecture - "Stalin Empire" to the mass architecture initiated by N. S. Khrushchev. The aim of the transition was to provide the population of the USSR with individual apartments. The authors consider the stages of construction of urban areas, analyze the problems of transition to large-panel housing, show the specifics of Magnitogorsk. The study of the "Khrushchev reform", its significance and regional features are the object of study of leading experts in the history and history of architecture: M. G. Meerovich, S. S. Dukhanov, S. G. Kara-Murza, E. V. Konyshcheva. However, at the moment there are no studies that would present architectural appearance of Magnitogorsk and reflect its specificity. For an objective study of

the research problem, a comprehensive approach was used, which involves the use of General scientific and special scientific methods, as well as methods of interdisciplinary areas of historical research. In this work, the authors found the use of the historical-comparative, historical-systematic and retrospective methods. A set of approaches to local history has provided significant assistance in the disclosure of the topic. On the basis of various sources (unpublished office documentation, plans and schemes of quarterly development, selected in the «City archive» of the Magnitogorsk; materials of the periodical press; results of interviewing of citizens; the electronic reference book 2GIS) authors draw the following conclusions: first, during the thaw in the territory of Magnitogorsk various experiments in the field of town-planning proceeded; secondly, as well as during the formed industrialization plans of building were regularly broken and revised owing to objective and subjective reasons; thirdly, Magnitogorsk became the firstborn of practical use of a method of large-panel housing construction; fourth, the features of the implementation of urban development during the thaw formed the features of the modern urban environment with its advantages and disadvantages; fifth, the pace of housing construction lagged behind the pace of population growth; sixth, the presence of spontaneous development.

Keywords: history, USSR, Ural, Magnitogorsk, urban planning, panel housing construction.

REFERENCES

1. Baranov K., Shkvarnikov V., Galaktionov A., Radov G. *Osnovy sovetskogo stroitel'stva*, V 2 t., T. 1. Moscow, Sroiizdat, 1966, 415 p.
2. Baranov K., Shkvarnikov V., Galaktionov A., Radov G. *Osnovy sovetskogo stroitel'stva*, V 2 t., T. 2, Moscow, Sroiizdat, 1967, 344 p.
3. Kazarinova V. I., Pavlenkov V. I. *Magnitogorsk*. / pod red. G. B. Minervina, Moscow, Gosstroizdat, 1961, 248 p.
4. Konysheva E. V. *Poligon dlya eksperimenta: zapadnye gradostroitel'nye novatsii v proektakh Val'tera Shvagenshtaidta dlya sovetskikh sotsialisticheskikh gorodov*, Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo. Moscow, 2017, no. 1, pp. 85-91.
5. Konysheva E. V. *Solntse vozdukh i dom dlya vseh? Evropeiskii opyt massovogo zhilishchnogo stroitel'stva i ego sovetskie variatsii v gody pervykh pyatiletok*, QuaestioRossica, 2016, no. 3, pp. 34-54.
6. Meerovich M. G. *Khrushchevskaya zhilishchnaya reforma: bor'ba s «arkhitekturnymi izlishchestvami» - nakazanie «vinovnykh», Oktyabr' 1917 v istorii arkhitektury i izobrazitel'nogo iskusstva Sibiri : Izbrannye tezisy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, priurochennoi k stoletiyu Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 goda / otv. red. D. D. Garkusha, E. Yu. Orlova, S. S. Dukhanov. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2017, pp. 101-107.*
7. Meerovich M. G. *Khrushchevskaya zhilishchnaya reforma: pervye shagi, Oktyabr' 1917 v istorii arkhitektury i izobrazitel'nogo iskusstva Sibiri. Novosibirsk, 2017, pp. 88-93.*
8. Meerovich M. G. *Nakazanie zhilishchem. Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917-1937 gg., Moscow, ROSSPEN, 2008, 303 p.*
9. Meerovich M. G. *Sotsialisticheskii gorod: formirovanie gorodskikh obshchestv i sovetskaya zhilishchnaya politika v 1930-e gody, Sovetskaya sotsial'naya politika 1920-1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost' / pod red. P. Romanova, E. Yarskoi-Smirnovoi, Moscow, OOO «Variant», TsSPGI, 2007, pp. 84-118.*
10. *Sibirskie stroiteli: sobyitiya i sud'by: Sbornik statei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii / red. D. V. Kirilyuk, M. A. Avimskaya, A. S. Ivanov, Kurgan, OOO «Kurganskii dom pečati», 2017, 564 p.*
11. Khan-Magomedov S. O. *Konstantin Mel'nikov*, Moscow, Arkhitektura, 2007, 296 p.
12. *Elektronnyi spravochnik s kartami gorodov: 2GIS. URL: <https://2gis.ru/magnitogorsk>.*

Аркаев Е. В., Макарова Н. Н. *Городское пространство Магнитогорска: этапы градостроительства и поиски новых архитектурных решений (1953–1964) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 18-27.*

Arkaev E. V., Makarova N. N. *Urban Space of Magnitogorsk: Stages of Urban Development and the Search for New Architectural Solutions (1953-1964), Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 4, pp. 18-27*

Сведения об авторах

Аркаев Егор Викторович - студент магистратуры Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; mister.arkaev@mail.ru

Макарова Надежда Николаевна – канд. исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; makarovanadia@mail.ru

Authors:

Nadezhda N. Makarova - Ph.D. in History, associate professor at the Department of World history, Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; makarovanadia@mail.ru

Egor V. Arkaev - master student Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; mister.arkaev@mail.ru

УДК: 94(470.5)''1941/1945''

Е. М. Буряк (Магнитогорск, Россия)
Н. В. Свистова (Магнитогорск, Россия)

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕТСКИХ ДОМОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОРОДЕ МАГНИТОГОРСКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса организации и функционирования в г. Магнитогорске детских учреждений для беспризорных и безнадзорных детей в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание авторы уделили рассмотрению материально-технического обеспечения городских специальных детских учреждений по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Исследование велось в рамках научных направлений локальной истории, городской истории, истории повседневности. Новизна работы заключается в рассмотрении проблемы беспризорности и безнадзорности в г. Магнитогорске в годы войны на основе архивных, ранее не использованных документов. В городе к началу войны находились эвакуированные детские дома, детский приемник-распределитель при НКВД, школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), а также местные заведения по устройству детей, оставшихся без попечения родителей. В процессе анализа архивных материалов авторы приходят к выводу о том, что, хотя деятельность указанных учреждений и была основана на имевшемся тогда общесоюзном законодательстве, однако практика организации деятельности подобных заведений сопровождалась целым рядом проблем. В особенно трудном положении в Магнитке находились эвакуированные детдома, которые прибывали практически без материально-технической базы, и на город ложилась дополнительная нагрузка по организации и обеспечению их нормальной работы. Тем не менее, в условиях военного времени, местным властям удалось не только создать систему учреждений для беспризорных и безнадзорных детей, но и обеспечить ее успешное функционирование. Совместными усилиями органов власти, работников детских домов и общественности к концу войны был остановлен рост беспризорности и безнадзорности в Магнитогорске. Накопленный опыт использовался в дальнейшей практике работы с данной категорией детей и подростков.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, СССР, Магнитогорск, Великая Отечественная война, государственная политика, приемник-распределитель.

В современной России проблема беспризорности и безнадзорности, к сожалению, остается крайне актуальной. За годы советской власти сформировалась система эффективных мер по ликвидации указанной проблемы, был накоплен незаменимый опыт, который остается полезным и важным до сих пор. Исторический анализ практики преодоления беспризорности, в частности в годы Великой Отечественной войны, помогает понять, как сегодня можно использовать старые наработки для решения той же социальной проблемы.

Вопрос о детской беспризорности и безнадзорности в СССР был затронут историками достаточно давно, однако локальная проблема организации детей, оставшихся без попечения родителей в г. Магнитогорске, долгое время не рассматривалась. Объектом научного внимания она стала только в последние годы в работах таких авторов как Н. Малышева [2] и Т. Рябова [4; 5; 6].

Анализ уникального местного архивного материала дает нам возможность представить, как Магнитогорск справлялся с проблемой беспризорных детей, вызванной массовым сиротством и лавинообразно обрушившейся на город в годы Великой Отечественной войны.

Тыловой Магнитогорск за годы войны стал не только оплотом оборонной промышленности страны, но и местом для массовой эвакуации предприятий и населения. Сюда были переведены в числе прочих детские учреждения: детдома, школы фабрично-заводского обучения.

Еще в предвоенные годы была создана обширная сеть государственных органов и учреждений по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Заботой государства стали вопросы материнства и детства, которые являлись важными в условиях построения нового

государства. Были определены основные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей; создана нормативно-правовая база; отработан комплекс мер по организации и обеспечению детей, лишенных контроля и надзора. На государственном уровне установлено материально-техническое обеспечение детских специальных заведений. Постепенно развивался институт опеки и патронирования.

Проблема беспризорности и безнадзорности усугубилась с началом войны и требовала принятия немедленных мер. Размещение детей, оставшихся без попечения родителей, в Магнитогорске производилось в рамках существующей общесоюзной политики по ликвидации беспризорности и безнадзорности. Главным органом, распределяющим беспризорных детей в городе, являлся приемник-распределитель при НКВД. Основными учреждениями были детские дома, дома ребенка, а также школы ФЗО, а также на патронат и опеку. Кроме того, функционировала комиссия по устройству детей, оставшихся без попечения родителей. Также были оборудованы детские комнаты милиции.

Принятые общесоюзные меры по вопросу беспризорности и безнадзорности стали основанием для соответствующих действий на местах. В городе, в соответствии с решением Областного исполкома от 5 марта 1942 г., были предприняты первые шаги по созданию органов распределения и надзора за беспризорными детьми. Так был создан детский приемник-распределитель при НКВД¹. Приемник в Магнитогорске, как и в других городах, являлся начальным звеном в большой цепи организации жизни беспризорных и безнадзорных детей, а также тех, кто остался без обоих родителей, детей-сирот. В него поступали дети, задержанные на улицах, занимающиеся бродяжничеством, мелкими хищениями и те, кто просто не имел постоянного места жительства или потерял связь с родителями.

Приемник-распределитель располагался на первом участке города, на месте закуской и железнодорожной кассы. К нему перешли также прилегающие постройки, весь кухонный инвентарь: плиты, котлы, столы и стулья. Согласно архивным документам, учреждение было открыто 5 мая 1942 г.² Количество беспризорных росло с каждым годом войны, мест в приемнике не хватало, поэтому выделялись новые помещения. В августе 1942 г. приемнику были выделены жилые помещения автотранспортной конторы, но местные жители долго не отказывались от своего старого жилья³. Дети в это время находились вместе со взрослыми, которым долго не предоставлялось других жилых площадей. В связи с окончательно не решенным вопросом помещения в приемнике не была организована прачечная, отсутствовал санитарный пропускник, не было изолятора. Все это привело к неизбежному росту числа заболеваний⁴. Положение приемника оставалось тяжелым и требовало большего внимания со стороны руководства города.

Для борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в городе при городском совете была также создана комиссия по устройству детей, оставшихся без попечения родителей⁵. Именно она в основном и занималась вопросами устройства детей в Магнитогорске. Комиссия состояла из представителей городского исполкома, управления НКВД, здравоохранения, образования, торговли. В ее работе принимали участие члены ВЛКСМ, работники ММК, треста «Магнитострой». В ведении комиссии были следующие полномочия: распределение детей в детские учреждения, на опеку и патронат; оказание материальной помощи детям; обеспечение детприемника и детдомов всем необходимым. Комиссия занималась подбором учителей, комсомольцев для патрулирования и дежурства в городе. Подобные органы было решено создать в районах для контроля над ситуацией.

В октябре 1942 г. на заседании комиссии были подведены первые итоги работы, которые признали неудовлетворительными: изъятие беспризорников с улицы проводилось не

¹ МУ «Магнитогорский городской архив» (далее МУ МГА) Ф. 10 Оп.1 Д. 362 Протоколы № 13–20 заседаний исполнительного комитета Магнитогорского городского совета депутатов трудящихся за май – июль 1942 г. Л. 7–8.

² Там же. Д.362. Л.8

³ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 363 Протоколы № 21–23, 25 за август – сентябрь 1942 г. Л. 91–92.

⁴ Там же. Д. 363. Л. 92.

⁵ Там же. Д.363. Л. 8.

систематически⁶, не был в срок оборудован приемник-распределитель, патронирование и усыновление детей не было взято под должный контроль. В 1942 г. во множественных отчетах исполкома горсовета Магнитогорска отмечалось, что дополнительной воспитательной работе в школах не уделяется достаточного внимания: учителя ограничиваются только проведением урока, поэтому вопросы воспитания и профилактики преступности отходят на второй план. Для того чтобы организовать внешкольное время детей, учителям рекомендовалось разработать планы и графики досуговых мероприятий, а также создавать пионерские бригады и посты при предприятиях местной промышленности. Учреждались и ученические дорожные посты. Они располагались на трамвайных остановках с целью выявления нарушителей правил дорожного движения и их общественного порицания. В работу этих бригад и постов привлекались беспризорные и безнадзорные дети, причем их участие было важным условием. К числу воспитательных мероприятий относились также создаваемые в каждом детском доме производственные мастерские. Их задачей было приобщение детей и подростков к труду, формирование основных трудовых навыков. Несмотря на существование указанных рекомендаций, в отчетах горисполкома отмечалось, что закон о всеобщем обучении не осуществляется или осуществляется плохо.

Беспризорные и безнадзорные дети часто не посещали школу по нескольким причинам: из-за отсутствия одежды и обуви, работы на предприятиях города, отдаленности школы или ухода в школы ФЗО. Кроме отсутствия контроля со стороны родителей и опекунов, в числе причин пропуска уроков были частые побеги из детских учреждений, нежелание учиться. Чтобы изменить ситуацию посещения школы детьми и подростками, было решено привлечь депутатов, общественность и шефствующие организации города, проводить проверки семей, выяснять местонахождение детей и причины непосещения ими занятий, т. е. планомерно работать с проблемными семьями. В школах было решено организовывать специальные комнаты для выполнения домашних заданий.

В городе функционировало несколько собственных детских домов, которые в годы войны остро нуждались в помощи и поддержке, и, кроме того, в Магнитку были эвакуированы детдома других территорий Советского Союза: Москвы, Полтавы, Смоленска, Курска и других городов [1, с. 139]. Очевидно, что положение всех детских домов на протяжении войны было крайне тяжелым. При эвакуации детские учреждения прибывали в Магнитогорск без необходимого обеспечения, одежды и обуви, предметов быта. Не хватало и педагогических кадров. Таким образом, перед руководством города стояли две первоочередные задачи в плане решения проблемы детей, оставшихся без попечения родителей: материально-техническое обеспечение детдомов и увеличение числа педагогов.

Обычно воспитанники детских домов учились вместе со всеми детьми в государственных школах, но если фиксировались факты нарушения дисциплины, то освоение общеобразовательной программы переносилось в стены учреждения. Введение отдельного школьного образования в 1943 г. внесло положительные моменты в обучение и воспитание детдомовцев: улучшилась дисциплина, действующие нормы поведения стали проще приживаться в детской среде. Однако обнаружились и недостатки: дополнительных кружков было мало, и, соответственно, учебно-воспитательной деятельностью было охвачено мало детей. Среди воспитанников наблюдались даже случаи антисемитизма. Решение проблемы видели в организации массовой работы: организации политехасов, политехформаций с детьми, выпуска стенгазет и военных листов, проведения бесед, направленных на предупреждение антисемитских настроений. При детдомах дополнительно организовывались секции музыки и пения, а для работы в детдомах стремились привлечь лучших педагогов города.

Государство старалось заботиться о здоровье детей и находящихся в семьях, и в детских учреждениях. В 1943 г. проводилась летняя оздоровительная компания, в ходе которой 2000 детей в возрасте от 8 до 13 лет, а также 1400 детей от 3 до 7 лет посетили пионерские

⁶ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 364 Протоколы № 26–29 за октябрь 1942 г. Л. 78.

лагеря⁷. На городской отдел народного образования было выделено 700 мест для отдыха, оздоровления и проведения досуга детей, оставшихся без попечения родителей. В первую очередь в лагерь отправлялись дети фронтовиков и беспризорные, а также безнадзорные. Ребята занимались в кружках, с ними проводили воспитательные беседы, привлекали к общественно-полезным работам. Кроме того, организовывались оздоровительные площадки при различных детских учреждениях города. В 1943 г. магнитогорский горздравотдел при доме ребенка на 3 месяца открыл оздоровительную площадку на 100 мест⁸, где детей не только лечили, но и проводили с ними культурно-воспитательные мероприятия.

На одном из первых мест в решении проблемы беспризорности и безнадзорности было трудовое обучение. В Магнитогорске существовало несколько школ ФЗО, которые готовили специалистов рабочих профессий, тех, в которых больше всего нуждался город: кузнецов, токарей, слесарей, столяров, строителей и каменщиков⁹. Одна из школ была размещена в здании строящегося общежития дома коммуны и вмещала 100 человек. Количество новых школ ФЗО росло, хотя ученикам не хватало мест ввиду постоянного увеличения числа беспризорников и сирот. Для размещения 400 учеников школе ФЗО было выделено даже помещение магазина «Гастроном»¹⁰. Существовала школа и на базе Магнитогорского металлургического комбината. Для размещения 1500 учеников были выделены места в военной части на территории 11 участка города¹¹. Школы отдельно обеспечивались медицинской помощью: все воспитанники были прикреплены к Кировской поликлинике, где их и лечили.

В школу ФЗО учащиеся принимались как по мобилизации, так и на добровольной основе. Для приема были установлены возрастные границы: принимались мальчики в возрасте 15-17 лет, девочки – 16–17 лет, реже 18 лет¹². Освобождались же от мобилизации: те, кто работал на предприятии или в учреждениях; учащиеся 9-10 классов средней школы; студенты техникумов и вузов¹³.

К 1943 г. планировалось набрать в школы ФЗО 130 человек, однако было набрано только 87 человек – учащихся не хватало. Был объявлен дополнительный мобилизационный набор. В случаях отказа от поступления по требованию горсовета прокурор привлекал совершеннолетних ребят к уголовной ответственности в соответствии с действовавшим тогда законом [3, с. 135].

Отдельного внимания и контроля в школах требовала дисциплина учащихся. Для этого вводилось круглосуточное патрулирование по городу, которое осуществлялось силами милиции¹⁴. Основными местами для проверок были предприятия, магазины, киоски, а также разные общественные места.

В 1943 г. городская комиссия по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, продолжала свою работу¹⁵. Протоколы ее заседаний свидетельствуют, что по-прежнему деятельность не была отлажена: изъятия беспризорников проводились также нерегулярно. Работников не хватало, общественность привлекалась мало к проведению проверок детских учреждений, патрулированию улиц и общественных мест. Все так же острой оставалась проблема обеспечения детей питанием и одеждой. Для решения насущных вопросов создавались дополнительные комиссии. Они должны были проверять в детских домах питание; обеспечение воспитанников обувью и одеждой; потребность в ремонте зданий детских учреждений.

Результаты проверки комиссий по устройству детей обсуждались на заседаниях исполкома. В 1943 г. вопросами выявления беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних

⁷ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 370 Протоколы № 13–18 за май июнь 1943 г. Л. 77.

⁸ Там же. Д. 370. Л. 78.

⁹ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 363 Протоколы № 21–23, 25 за август – сентябрь 1942 г. Л. 13.

¹⁰ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 363 Протоколы № 21–23, 25 за август – сентябрь 1942 г. Л.92.

¹¹ Там же. Д.363. Л. 8.

¹² МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 364 Протоколы № 26–29 за октябрь 1942 г. Л.8.

¹³ Там же. Д. 364. Л. 86.

¹⁴ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 369 Протоколы № 7–12 за март апрель 1943 г. Л.9.

¹⁵ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 368 Протоколы № 1–6 за январь – февраль 1943 г. Л. 83.

занимались инспекторы и представители общественности: 9 депутатов горсовета, 9 внештатных инспекторов и простые рабочие, преимущественно женщины. В городе было выявлено 460 детей, оставшихся без попечения родителей. 163 ребенка были запатронированы, 122 - усыновлены, 72 - переданы под опеку, 81 человек трудоустроен и 22 ребенка направлены в детские дома¹⁶.

В протоколах горсовета отмечалось неудовлетворительное состояние бытовых условий в детских учреждениях. Не хватало одежды и обуви, талонов на питание. Было решено привлекать к проверкам детских учреждений больше учителей, депутатов, так как их участие было недостаточным. Детей обеспечивали одеждой и обувью, талонами на питание (20 штук в месяц). Ставилась задача лучше проводить проверки запатронированных детей и тех, кто находится под опекой или был трудоустроен; а также было решено оборудовать детские комнаты при отделениях милиции в нескольких частях города¹⁷, чтобы не допускать совместного содержания и допросов задержанных детей и взрослых.

В 1943 г., согласно отчетам, работало всего 2 инспектора милиции. Указывалось, что и работавшие инспекторы детской комнаты не проходили специального инструктажа. В одном из отделений милиции инспектора по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью не было вовсе, а работу с задержанными подростками вел дежурный по отделению¹⁸. Инспекторские проверки проводились стихийно, отсутствовал четкий план работы комнаты. Крайне мало привлекались к работе общественные организации и актив, комсомол.

Для изменения ситуации магнитогорский горсовет требовал открыть дополнительные детские комнаты, работать по плану, организовывать регулярные проверки (не реже 4-х раз в месяц); привлекать учителей, воспитателей, работников детских учреждений, комсомольские организации. Однако кардинальных изменений не последовало. Так, в сентябре 1943 г. при проверке детприемника НКВД было выявлено, что сам приемник находится в неудовлетворительном состоянии: к зимнему сезону не был закончен ремонт, учреждению не хватало продуктов питания и фуража¹⁹. Воспитательная работа практически не проводилась, шефствующие и общественные организации так и не наладили работу с детьми. Проблему попытался решить совет жен-общественниц металлургов, взявший шефство над детским приемником-распределителем.

Еще одним способом решения вопроса ликвидации беспризорности и безнадзорности были опека и патронат. В Магнитогорске данные меры осуществлялись достаточно успешно, поскольку считалось, что жизнь в семейной обстановке благоприятна для полноценного развития каждого ребенка.

В Магнитогорске, как и в других городах, более распространенной формой был патронат. Прием детей проходил на добровольных началах, заключался договор между гражданином, который брал на воспитание ребенка и государственным органом, занимающимся вопросами устройства детей. При патронировании можно было взять ребенка в возрасте от 5 месяцев и до 14 лет [4, с. 188]. К 1943 г. количество запатронированных детей в городе составляло 163 человека²⁰.

Лица, которым передавались дети на воспитание, несли в отношении них обязанности не только воспитательного, но и имущественного характера. В случае, если ребенку от родителей переходило какое-то имущество, то гражданин, осуществляющий патронат, нес за него ответственность. Однако фиксировались случаи незаконного распоряжения имуществом детей, что строго каралось законом: проходили судебные процессы по наказанию таких опекунов [4, с. 194].

С 1 июня 1944 г. райисполкомами начал проводиться подворный учет детей, оставших-

¹⁶ Там же. Д. 368. Л. 216.

¹⁷ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 369 Протоколы № 7–12 за март апрель 1943 г. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 369. Л. 3.

¹⁹ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 370 Протоколы № 13–18 за май июнь 1943 г. Л. 143.

²⁰ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 365 Протоколы № 30-31 за ноябрь – декабрь 1942 г. Л. 216.

ся без попечения родителей²¹. Привлекали работников детских учреждений: детсадов, яслей, детдомов. Кроме того, ответственными за учет назначали старших бараками и домоуправляющих. Органы народного образования проводили с работниками обязательный инструктаж. По итогам проверки, на первый квартал 1944 г. было устроено 257 детей, из которых на патронаже содержались 115 детей, а 142 ребенка отданы на опеку²².

Пристальное внимание властей к детской беспризорности и безнадзорности было продиктовано также тем, что это социальное явление увеличивало преступность в городе. Самыми частыми преступлениями были квартирные кражи, воровство, хулиганство, причинение телесных повреждений. Совершались они учащимися училищ, школ ФЗО и подростками, в том числе из-за отсутствия должного контроля со стороны родителей и детских учреждений. Дети занимались попрошайничеством, бродяжничеством, скитались по улицам, распивали алкоголь [5, с. 137]. Привычным делом безнадзорных детей стала спекуляция: билетами в кино, театры, продуктами питания, табаком.

1944 г. не изменил в корне ситуации. Материалы свидетельствуют, что органы образования, общественные организации, директора детских учреждений и учебных заведений не вели должной воспитательной работы со своими воспитанниками, не проводили в должном объеме профилактических мероприятий по предупреждению совершения преступлений. Органы милиции и райисполкомы не справлялись с работой, поскольку контроль над детьми был слабым.

В попытках сдвинуть ситуацию к лучшему власти Магнитогорска решили создать новые посты наблюдения в местах массового скопления людей: на рынках, у цирка, кино и на трамвайных остановках. За нарушения детьми закона на родителей налагали взыскания, а также сообщали в партийные или профсоюзные органы по их месту работы. Директорам учреждений предписывалось лучше проводить воспитательную работу с воспитанниками, проводить лекции и беседы о недопустимости преступной деятельности. Кроме того, совершенные детьми преступления порицались на общих собраниях учащихся и по месту работы родителей.

В процессе ликвидации беспризорности и безнадзорности участвовала прокуратура Челябинской области. Был усилен контроль над милицией по линии работы с несовершеннолетними. В 1944 г. Н. В. Шляев, прокурор Челябинской области, составил план мероприятий по работе с несовершеннолетними. И первый опыт по реализации этого плана был получен в Магнитогорске. Летом того же года в городе арестовали 329 учащихся ФЗО и ремесленных училищ [6, с. 222]. Прокуратура провела ряд превентивных мероприятий по предупреждению преступности среди несовершеннолетних. Следователи проводили беседы, которые находили отклик у подростков.

С окончанием войны в 1945 г. была расширена комиссия по устройству детей, оставшихся без попечения родителей²³. К прежним, постоянным участникам комиссии присоединились представители милиции, бытовой комиссии города, домохозяйки-активистки, а также несколько депутатов горсовета.

Так коллективными усилиями общества и власти за несколько военных лет была создана действующая система мер по борьбе с безнадзорностью и беспризорностью. В конце войны положительный магнитогорский опыт был распространен на все крупные города области.

Итак, можно отметить, что в Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны была создана система органов и учреждений по устройству беспризорных и безнадзорных детей. Факторов роста беспризорности существовало множество: гибель родителей или потеря связи с ними; масштабная эвакуация; оккупация советских территорий; мобилизация мужского населения и большая вовлеченность женщин в организацию производства, а тем самым, невозможность обеспечить достаточное внимание воспитанию в семье; длительные

²¹ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 380 Протоколы № 23–27 за август – сентябрь 1944 г. Л. 3.

²² Там же. Д. 380. Л. 4.

²³ МУ МГА Ф.10 Оп.1 Д. 387 Протоколы № 8-9, решения № 81–105 за март 1945 г. Л. 59.

перерывы в учебе или полный отрыв детей от образовательной (воспитывающей) среды; бытовые материальные трудности.

Местный совет депутатов, гороно, органы НКВД, а также общественные и комсомольские организации прикладывали все силы для ликвидации беспризорности и безнадзорности. В городе функционировали приемник-распределитель, комиссия по устройству детей, детские комнаты милиции. Активно развивались опека и патронат. Основными учреждениями по устройству детей в городе стали детские дома, дома ребенка, школы ФЗО. Главными задачами городской власти и партии были снижение количества детей, оставшихся без попечения родителей, создание комфортных условий пребывания детей и подростков в детских учреждениях, обучение их профессиям, пресечение детской преступности.

Не менее серьезной проблемой оказалось отсутствие достаточного количества специалистов для работы с данной категорией детей. Несмотря на всевозможные трудности, государство и местные власти неустанно боролись проблемой детской беспризорности и безнадзорности, что позволило после войны резко сократить количество таких детей на улицах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилов Г. Е. , Лаврова И. А. Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сборник документов и материалов. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2009. 736 с.

2. Мальшева Н.А. Влияние идеологического фактора на социализацию детей в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории, филологии, культуры, 2006. № 16. С 239–247.

3. Ростова О. С. Правовая охрана материнства и детства в России (советский период): монография. М.: Издательство «Спутник +», 2009. 175 с.

4. Рябова Т. С. Патронирование, опека, усыновление в годы Великой Отечественной войны: нормативно-правовая база и региональные практики (на материалах Южного Урала) // Проблемы истории, филологии и культуры, 2011. № 2. С. 187–196.

5. Рябова Т. С. Стратегии выживания беспризорников Челябинской области в экстремальных условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 // Проблемы истории, филологии и культуры, 2012. № 3. С. 133–140.

6. Рябова Т. С. Жизнь беспризорников и безнадзорных детей в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : материалы VIII Всероссийской научной конференции, 27-28 апреля 2007 г. : [в 2 томах] / гл. ред. В. В. Запарий. Екатеринбург : УГТУ-УПИ [и др.], 2007. С. 220–223.

E. M. Buryak (Magnitogorsk, Russia)
N. V. Svistova (Magnitogorsk, Russia)

ORGANIZATION OF THE SYSTEM OF CHILDREN'S HOMES AND SPECIAL INSTITUTIONS IN MAGNITOGORSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of children's institutions in Magnitogorsk for homeless and neglected children during the great Patriotic war. Besides, the authors tried to consider the Logistics of city's special anti-children's homelessness and neglect institutions. The article is written in the framework of local history, urban history, the history of everyday life. The novelty of the work lies in the study of the homelessness and the neglect in Magnitogorsk during the second world war on the basis of archival, previously unused documents. There were evacuated orphanages, children's receiver - distributor at NKVD, schools of FZO, and also local institutions on the arrangement of the children left without parental support in the city by the beginning of war. In the course of the study, the authors conclude that the activities of children's institutions were based on the existing legislation of the Soviet Union. However, in practice, the organization of such institutions was accompanied by a number of problems. Evacuated children's homes were in a particularly difficult situation, as they arrived in Magnitogorsk almost without anything and the city had an additional burden on the organization and ensure their normal functioning. Nevertheless, local authorities managed to create not only a system of institutions for homeless and neglected children, but also to ensure its successful functioning in wartime. Thanks to joint efforts of local authorities, employees of

orphanages and the community it was possible to stop the growth of the homelessness and the neglect in Magnitogorsk by the end of the war and to use the accumulated experience in the future.

Keywords: homelessness, neglect, the USSR, Magnitogorsk, the Great Patriotic war, state policy, receiver-distributor.

REFERENCES

1. Besprizornost' na Urale v 1929–1941 gg.: sbornik dokumentov i materialov, Ekaterinburg: Izdatel'stvo AMB, 2009, 736 p.
2. Rostova O. S. Pravovaja ohrana materinstva i detstva v Rossii (sovetskij period): monografija, Moscow, Izdatel'stvo «Sputnik +», 2009, 175 p.
3. Rjabova T. S. Patronirovanie, opeka, usynovlenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: normativno-pravovaja baza i regional'nye praktiki (na materialah Juzhnogo Urala), *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], 2011, no. 2, pp. 187-196.
4. Rjabova T. S. Strategii vyzhivaniya besprizornikov Cheljabinskoj oblasti v jekstremal'nyh uslovijah Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945, *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], 2012, no. 3, pp. 133-140.
5. Rjabova, T. S. Zhizn' besprizornikov i beznadzornyh detej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya: materialy VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 2007, pp. 220-223.

Буряк Е. М., Свистова Н. В. Организация системы функционирования детских домов и специальных учреждений в городе Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С.28-35

Buryak E. M., Svistova N. V. Organization of the System of Children's Homes and Special Institutions in Magnitogorsk During the Great Patriotic War, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 4, pp. 28-35.

Сведения об авторах

Буряк Елена Михайловна - канд. исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; lench81@inbox.ru

Свистова Наталья Валерьевна - студент магистратуры Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; natashka95.27@mail.ru

Author:

Elena M. Buryak - Ph.D. in History, associate professor at the Department of World history, Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; lench81@inbox.ru

Natalia V. Svistova - master student Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; natashka95.27@mail.ru

**КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ» В ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ ВРАГА И СОЮЗНИКА)**

Аннотация. Использование категории «образ» в историко-психологическом исследовании происходит довольно часто. Анализ формирующихся образов напрямую связан с проблемой восприятия окружающего мира индивидом или социальной группой (стратой, классом). Изучение образов в сфере внешней политики сопряжено с особенностями национальной культуры субъекта восприятия (народа, нации) и кругом источников, который ему доступен. Наиболее популярным вариантом отношения двух культур друг к другу выступает дихотомия «свой» - «чужой», формирующаяся на основании внешних атрибутов (этнических различий) и опыта взаимоотношений субъекта и объекта в историческом контексте. Таким образом, речь идет о формировании образов врага и союзника как основных категорий во внешнеполитических отношениях. Целью данной статьи является анализ использования категорий «образ врага» и «образ союзника» применительно к видению мира советским обществом в годы Великой Отечественной войны. В работе осуществляется анализ терминов: включая самостоятельное определение дефиниции «образ союзника», рассматривается историко-культурный аспект взаимоотношений России со странами Запада. Учитывая непростой характер общения русских, равно как и советских граждан, с европейцами в прошлые периоды, а также высокую степень политизации в восприятии «империалистических» держав, автор приходит к выводу, что отношение к союзникам по антигитлеровской коалиции в советском обществе было неоднозначным. С одной стороны, необходимость получения помощи и тяжелая ситуация на фронте сближала граждан СССР с зарубежными «друзьями», а с другой – преимущественно негативный опыт взаимодействия в прошлом и постоянная смена правительственных установок в отношении новых партнеров не позволяет говорить об англичанах и американцах как о полноценных друзьях.

Ключевые слова: образ, историко-психологическое исследование, национальная культура, восприятие, «свой» – «чужой».

С точки зрения философии, ключевое понятие «образ» может быть охарактеризовано как «результат отражения (или реконструкции) объекта в сознании человека» [14, с. 446]. Выделение в образе таких его элементов, как субъект (отдельно взятый человек или группа людей) и объект (может быть представлен целым окружающим миром или его отдельными предметами и явлениями), является ключевым, поскольку сформированный образ внешнего мира или его части выступает конечным результатом процесса познания субъекта [12, с. 920].

Процесс познания состоит из следующих элементов: субъект, объект, условия, в которых осуществляется познавательная деятельность, ее содержание. Познание в нашем случае равнозначно восприятию, так как чувственный уровень осознания информации предшествует рациональному. В качестве субъекта могут выступать государства, целые народы (население страны), отдельные социальные группы и индивиды. Объект может быть представлен теми же структурными единицами – государствами, этносами, социальными группами, отдельными личностями, а также историко-культурными процессами, в которых они существуют и функционируют. Соответственно, все объекты имеют внешнюю природу по отношению к субъектам. В нашем случае акцент ставится на объектах, которые принадлежат сфере внешней политики.

Условия восприятия, с одной стороны, определяются диапазоном тех источников, что может использовать субъект при знакомстве с объектом, а с другой – степенью их достоверности. Обычно каналами информации выступают официальные документы (в том числе,

пропагандистского характера), все виды СМИ, произведения культуры и искусства, личные контакты либо воспоминания о них, запечатленные в письменной форме [10, с. 100]. Немаловажную роль в случае, когда речь идет о больших группах людей, играют слухи, сплетни, домыслы и другая передающаяся устным путем неполная, вырванная из контекста неофициальная информация. Разумеется, человеку не всегда представляется возможность пользоваться всем кругом источников, и он останавливается на наиболее доступных. Как правило, такие источники нередко оказываются наименее достоверными либо подверженными давлению - действуют согласно специальной установке в отношении объекта.

Содержательный анализ восприятия включает основное положение: окружающий мир амбивалентен, то есть способен вызвать у человека различные реакции в зависимости от разного рода обстоятельств. Другим важным постулатом является разделение внешнего мира на «свой» – «чужой» (как вариант может использоваться дихотомия «Я» – «Другой»).

Следует отметить, что при формировании образа другого народа немаловажную роль играет внешний вид и национальный характер чужаков, понимаемый как «совокупность определенных поведенческих свойств». Преимущественно, восприятие строится по принципу «от противного» – идет сопоставление с собственными обликом и чертами характера. Если незнакомый объект не проходит первичный отбор по своей внешности, то сразу переносится в разряд «чужих». Так, для русских в таком качестве всегда выступают китайцы, корейцы, японцы и другие народы, отличающиеся по внешним характеристикам (оцениваемые как «некрасивые») [6, с. 105-106].

При анализе менталитета других народов в качестве отправной точки выступают черты, свойственные данной этнической группе. У «других» же будут выделяться присущие «своим» положительные характеристики или те, в которых оценивающий субъект испытывается острый недостаток. Для русского народа сильными качествами считаются: доброта, отзывчивость, дружелюбие, бескорытность, умение веселиться, сила и мужество, а «недостающими» – деловая активность, трудолюбие, аккуратность, серьезность, воспитанность. Национальные группы, обладающие данным набором качеств, могут быть причислены к «своим», в то время как скрытые, завистливые, скупые, алчные, агрессивные, лицемерные, властные, хитрые, подлые, безусловно, относятся к разряду «чужих» [6, с. 108].

Дифференциация по признаку «свои» – «чужие» между этническими группами не исчерпывается только внешними атрибутами; ее обязательной составляющей является культурно-исторический компонент. Его можно подразделить на две части:

1. Особенности формирования национальной культуры и цивилизации, критерием образования которой могут служить религия, географические и геополитические условия, наличие харизматических лидеров и т. д. Болгарский исследователь национальных менталитетов Г. Гачев пришел к выводу о том, что «цивилизацией современные народы сближены, культурами различены, и в этом, с одной стороны, – возможность взаимопонимания, а с другой – красота разнообразия» [2, с. 14].

2. Исторический опыт взаимоотношений народа-субъекта и народа-объекта восприятия. Значение имеет степень близости двух этносов в прошлом, причем соседство подразумевает не только лучшую осведомленность об объекте, но и вероятные негативные представления, связанные с конфликтами былых времен. Чем более удален народ, тем хуже он может быть известен. Отношения с такими народами преимущественно велись на торговом уровне, поэтому отрицательный оттенок в их восприятии обычно отсутствует [11, с. 117].

Выбранная нами тематика напрямую связана со сферой международных отношений. Использование категории «образ» для анализа внешнеполитических взаимодействий стало возможным после его применения К. Боулингом в 1959 г. для объяснения причин враждебности между государствами. При этом образ «другого» рассматривался исключительно как образ врага. Впоследствии такая трактовка дефиниции был признана только одной из возможных [4, с. 51].

Видный специалист, изучающий оппозицию «Я» – «Другой» в контексте международ-

ных отношений, М. Дж. Шапиро в 1988 г. отметил, что международная политика сама занимается созданием «другого». Любые отношения между двумя государствами должны рассматриваться в их исторической практике, также как отношения между человеческими индивидами. При этом Шапиро рассматривает военный конфликт не только как неотъемлемую часть международной политики, но и как основной аспект бытия, в котором и агрессор, и жертва идентифицируются друг с другом подобно тому, как происходит идентификация людей, причиняющих друг другу насилие (через боль) [7, с. 52–53]. Этот западный подход получил оформление в концепции Д. Блэни, который использовал метафору о самосознании государства: каждая держава через представляющих ее на международной арене политических лидеров приобретает определенную «Я–концепцию» – «зависимое государство», «жертва агрессии», «супердержава». В «Я–концепции» отражается не только психология лидеров и накопленный ими в процессе познания багаж представлений о внешнем мире, но и «переработанный опыт поколений (разделяемые знания), усвоенный национальной элитой в процессе социализации и обеспечивающий преемственность в политическом процессе» [4, с. 52].

Связь «Я» (обязательно коллективного) с определяющими сущность государства или нации идеями изучалась так называемой Копенгагенской школой, в частности ее главным представителем О. Вэвером. Когда начинается взаимодействие на международной арене, то определяющие идеи выносятся в новую среду и пытаются там реконструироваться, а поскольку у ряда государств они принципиально различны, то возникают политические и военные конфликты, где державы организуются в союзы согласно «совпадению» своих определяющих идей [7, с. 61–62].

Очевидно, что перечисленные выше вариации образов, с одной стороны, обозначают роль государства на международной арене вообще и в конфликтных ситуациях в частности, с другой – обнаруживают свою связь с массовым (в лице населения страны) и индивидуальным сознанием (в лице государственных лидеров), а также влияние, которое имеют друг на друга обе стороны. Динамика образов не является сиюминутным процессом: получаемая любым субъектом информация из внешнего мира либо вписывается в его представления об этом мире, либо вступает с ними в конфликт. При этом ни один вид информации не воспринимается безусловно – конфликтующая не всегда игнорируется, а подтверждающая не всегда плавно укладывается в существующую схему [4, с. 53]. В то же время образы обладают свойством инерции, которое тормозит восприятие изменений, но слишком быстрое изменение, показывающее несостоятельность прежних представлений способно нивелировать эту инерцию. Классическим примером подобной ситуации служит начало Второй мировой и Великой Отечественной войны, когда немцы, преподносимые в 1939–1941 гг. как союзники, в одночасье превратились в злейших врагов как для советских людей, так и для западных обществ.

Изменение внешних образов возможно под влиянием неопровержимой информации, которая в корне противоречит существующим представлениям. Война является примером такой экстремальной ситуации, когда идет своего рода «ломка» представлений о той части внешнего мира, с которой соприкасается субъект восприятия. При этом важно отметить, что трансформируется не только образ государства, с которым происходит непосредственное столкновение, но и образы других участников конфликта в зависимости от ситуации. Практически в одночасье бывший противник может оказаться союзником, а потенциальный партнер – примкнуть к враждебному лагерю. Но столь резкий переход не может произойти в общественном сознании сам по себе: ему способствуют многочисленные факторы в виде деятельности пропагандистского аппарата, СМИ, общей и государственной установки и т.д. [11, с. 120].

Отсюда следует разграничить образы по двум основным категориям, имеющим разные названия. Е. Сенявская определяет глобальный и бытовой виды образов, причем под первым понимается стойкое, закрепленное у нескольких поколений представление об «ином» (в

данном случае – о враге), сформированное под воздействием пропаганды, а под вторым – мобильные, изменчивые впечатления, возникающих при непосредственных контактах «своих» с лицами из противоположного лагеря [9, с. 78]. А. Голубев выделяет реальный и насаждаемый варианты образов, разделяя их по типу сознания, господствующего в разных сферах. Для специализированных сфер сознания характерен рационалистический подход, ориентирующийся на законы логики, проверку фактов путем доказательства и систему выводов. Обыденное сознание, по мнению историка, конструирует свой мир, который развивается по законам, связанным с наглядно-чувственными ассоциациями [3, с. 84].

При любых вариациях образов ключевой характеристикой в восприятии внешнего мира, на наш взгляд, выступает возможность получить информацию о происходящих за рубежом событиях. Доступ к этой информации ограничен такими условиями как принадлежность к политической или другой элите государства, уровень образованности, знание иностранных языков, место проживания, возможности получения сведений о внешнем мире, диапазон получаемых сведений.

Несомненное влияние на формирование образов внешнего мира имеет тип и характер государственной власти. СССР конца 1930-х – начала 1940-х гг. традиционно заносится в когорту тоталитарных государств с жесткой иерархической структурой общества во главе с ВКП (б) и «вождем народов» И. В. Сталиным. Для тоталитарного государства характерно активное вовлечение в политику всех жителей, но в рамках дозволенного, которое преподносится руководством как непреложная истина.

Советская власть стремилась к монополии на информацию, в том числе – о внешнем мире. Чтобы легче управлять народом и манипулировать общественным сознанием, правительство СССР намеренно искажало или затрудняло доступ к сведениям об окружающей действительности. Так обеспечивалось «правильное» идеологическое воздействие на широкие слои населения [5, с. 155]. Соответственно, дихотомическое противостояние «мы – они» в обществе тоталитарного типа получало довольно простое разрешение: группа, объединенная местоимением «мы», осознавалась не только при отождествлении с «другими» группами и обществами, но и на основе собственной уникальности, исключительности. Все, кто составлял категорию «они», сразу оказывался во вражеском лагере, и их образ подавался как образ противника [13, с. 47].

В 1930-х гг. советская внешнеполитическая доктрина ставила на первое место опасность, исходящую для СССР от враждебного капиталистического окружения, которое было едино именно в своей антисоветской направленности. Данная концепция явно преувеличивала роль Советского Союза в международных отношениях, которая оценивалась западными странами как скорее негативно-неизвестная, чем как устойчиво-враждебная. То же в конце 1930-х гг. можно сказать о потенциальном союзе с СССР демократических государств, возникшем перед лицом фашистской опасности [3, с. 97–98].

Однако начало Великой Отечественной войны изменило не только всю международную ситуацию, но и подход к ней со стороны советского правительства. Государство нуждалось в союзниках, а помощь не могла прийти из других стран, кроме бичуемых в прошлом «оплотов капитализма» – США и Великобритании. Бывшие потенциальные враги превращались пока тоже лишь в потенциальных союзников.

С точки зрения исторической психологии, враг (неприятель) – это носитель чужого сознания, проповедующий агрессивную политику против «своих». Такое противопоставление («свой» – «чужой») вызывает негативную реакцию, эффект которой возрастает в *n*-ой степени пропорционально характеру агрессии. Соответственно, сам образ врага «строится под антипод собственно громко декларируемым ценностям и идеалам» [1, с. 26].

Сторонники мифотворчества и манипуляций с массовым сознанием подчеркивают недостоверность образа врага и искусственный характер его создания в угоду разного рода политическим силам: «Образа врага имеет визуальный характер; ему приписываются черты зверей или физические уродства. Этот мифический образ призван заместить собой в коллек-

тивном сознании реальный образ представителя другой страны или другой национальности. Он прост для восприятия, легко опознается или запоминается <...>. От него постоянно исходит потенциальная опасность» [13, с. 47]. Ангажированность такого образа подтверждается и силами, его воспроизводящими: «Образ врага – это социально-политический миф, который зиждется на эгоистическом интересе и имеет в своей основе стремление отдельных политических групп к расширению влияния, сохранению или захвату власти» [Цит. по: 11, с. 125].

Вместе с утверждениями о несостоятельности образа врага в силу его искусственного характера существует более взвешенная концепция, которая исходит из реалистичности данного образа и его изменчивости в силу социокультурных и конкретных условий. Так, например, отношения русской (советской, российской) цивилизации и цивилизации Запада имеют богатую и разностороннюю историю. В период средневековья постоянный антагонизм двух культур нагнетался религиозными противоречиями: православная Русь чаще склонялась к неравноправному союзу с толерантными в вопросах веры кочевыми народами (в том числе с монголо-татарами), а католический Запад перманентно расширял границы своего влияния на восток и угрожал русским землям не только с помощью мечей, но и обращая жителей покоренных территорий в свою конфессию, распространяя нормы и идеалы западной культуры на новые земли. Чтобы избежать такой сомнительной перспективы, была реализована концепция союза с Ордой, отказа от Флорентийской унии и складывания нового государства (Московской Руси) вокруг находящейся в удобном месте Москвы. Таким образом, «противостояние Западу как органический момент входило в эту стратегию исторического развития» [8, с. 14].

В дальнейшем связи России и Европы восстановились, и нередко какая-то из западных стран становилась союзницей в определенный исторический период (например, Англия в антинаполеоновских коалициях). Но гораздо чаще страны Запада продолжали выступать в качестве противников Российского государства уже не по религиозным, а по геополитическим мотивам. Образ врага невозможно однозначно связать с конкретным государством Европы, в каждом отдельном случае разная держава оказывалась по «ту сторону баррикад» – Швеция, Польша, Пруссия, Англия и т. д.

Впоследствии Советский Союз, отрицая преемственность от Российской империи, унаследовал прежнюю антизападную направленность и довел ее до крайности, поэтому государство Советов во внешнеполитической доктрине идеологов коммунизма представлялось крепостью, осажденной со всех сторон воинственными и враждебными капиталистами. Одновременно широкое хождение имел другой стереотип – «представление о Западе как о счастливом богатом мире, где решены (или скоро будут решены) все проблемы» [8, с. 165]. Бытовало мнение о западных странах как лидерах мирового технологического прогресса. Многоликость искомого образа не перекрывала его постоянной составляющей – образа врага, неприятеля, хотя и не придавала ему яркой национальной окраски.

Вторая мировая война была вызвана реальными причинами и противоречиями, что актуализировало оценочный аспект представления о противниках. А. С. и Е. С. Сенявские определяют термин «образ врага» как «представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущие угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия» [11, с. 126].

Таким образом, формирование понятия «образ врага» определяется и конкретными условиями, имеющими место в данное время, и историческим контекстом взаимоотношений с вероятным противником, и существовавшими ранее представлениями о нем, и деятельностью органов пропаганды. Такие же критерии, на наш взгляд, в середине 1941 г. можно отнести к формированию образа союзника в советском обществе.

Образ союзника, как и образ врага, был связан с проблемой восприятия «своих» и «чужих». Но если образ врага предполагает однозначную трактовку противника как «чужого»

(поскольку он угрожает «своим»), то образ союзника совсем не обязательно должен соотноситься со «своими», что логически вытекает из самого определения «союзник» – тот, кто состоит в союзе с кем-то, находится в согласии по какому-то вопросу. Отсюда неполнота дихотомического ряда «свой – чужой», что вынуждает заменять его другим противопоставлением: «мы» – «они» или как вариант «Я» – «другой».

Данное определение подразумевает под образом союзника не друга, а партнера по решению какой-либо проблемы, что не мешает отсутствию сходства по остальным критериям. В социальных и международных отношениях (между двумя и более государствами) «отграничение «Я» от «Другого» является активной и продолжающейся частью формирования «идентичности», что и позволяет, с одной стороны, понять собственную самость, а с другой – выработать модели отношений с союзниками как представителями «других». [7, с. 68].

Исходя из сказанного выше, мы предлагаем следующее определение образа союзника. Это комплекс динамических представлений о социальных субъектах, близких другим субъектам по целеполагающей деятельности в конкретной обстановке, а также по социально-психологическим характеристикам в идеальных условиях; он проявляется в чувственно-эмоциональной и рациональной формах на уровне массового и индивидуального сознания и формируется под влиянием культурно-исторических условий, предыдущего опыта взаимоотношений (выражаемого в виде стереотипов) и деятельности органов пропаганды и агитации.

В зависимости от развития ситуации образ союзника может меняться и в равной степени трансформироваться в образ друга и образ противника. Именно последняя ситуация характерна для советского общества времен Великой Отечественной войны, когда немецкие фашисты в одночасье с нейтрально-союзнических тонов «перекрасились» в откровенно враждебные, а декларируемые противники в лице Англии и США, напротив, стали союзниками. Соответственно, первый образ начал наполняться негативным содержанием, которое ширилось по мере развития военных действий и злодеяний на советской территории, а второй образ стал приобретать положительные оттенки. Однако союзники по антигитлеровской коалиции не были «своими» в начале войны и не стали ими по ее окончании, перейдя вновь в категорию потенциальных, а затем и реальных врагов.

ЛИТЕРАТУРА

1. 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М. : «Прогресс-Пайо», 1989. 560 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М. : Изд. центр «Академия», 1998. 429 с.
3. Голубев А. В. Советское общество 1930-х гг. и формирование внешнеполитических стереотипов // Россия и Европа в XIX–XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур : сб. науч. трудов / отв. ред. А. В. Голубев. М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 86–114.
4. Киселев И. Ю. Образы государств в международных отношениях: механизм трансформации // Полис, 2003. № 3. С. 50–57.
5. Лончинская Л. Я., Лымарев А. Н. Особенности формирования массового сознания в 30–40-е гг. XX в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII всерос. науч. конф. 27–28 апр. 2007 г. / гл. ред. В. В. Запарий. В 2 тт. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2007. Т. 2. С. 154–158.
6. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В. А. Колосова. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 304 с.
7. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 335 с.
8. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / под ред. А. В. Голубева. М.: ИРИ РАН, 1998. 334 с.
9. Сеньявская Е. С. «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур : сб. науч. трудов / отв. ред. А. В. Голубев. М. : ИРИ РАН, 1996, С. 75–85.

10. Сенявский А. С. «Запад» как социально-экономическая система в восприятии советского человека в период «холодной войны» / А. С. Сенявский // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления : материалы XX междунар. науч. конф.; СПб., 18–19 дек. 2006 г.: в 3 ч. / под ред. С. Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2006. Ч. 3. С. 99–104.

11. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Взаимовосприятие государств и народов в новейшей истории в контексте конфликтного взаимодействия (методология исследования) // Проблемы российской истории. М. – Магнитогорск : ИРИ РАН; МаГУ, 2006. Вып. VII. С. 109–141.

12. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981. 1600 с.

13. Топорков А. Л. Миф: традиция и психология восприятия // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. : Фонд Фридриха Науманна, АИРО – XX, 2003. С. 36–57.

14. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

I. O. Koldomasov (Magnitogorsk, Russia)

THE CATEGORY OF "IMAGE" IN THE HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL STUDY (FOR EXAMPLE IMAGES OF THE ENEMY AND THE ALLY)

Abstract. In everyday life, people quite often use the definition of “image”, dissolving its meaning somewhat. In scientific research, specifically - research in the historical and psychological field, this category occupies one of the central places, because it affects the perception of the surrounding reality not only by an individual or a group of people, but also by large social strata, ethnic groups, cultures. The process of perception involves reciprocity, the formation of likes / dislikes in the evaluation of subjects. The special field of knowledge deals with issues of mutual perception - historical imagology, which is closely connected with historical and social psychology and actively contacts ethnology, geopolitics, culturology and other scientific disciplines. The central concepts of imagology are the definitions of “national image” and “national stereotype”, and the object of its research is to analyze the formation of images of “our own” and “alien” in national cultures.

Keywords: image, historical and psychological research, national culture, perception, “own” -“alien”.

REFERENCES

1. 50/50. The experience of the dictionary of new thinking / ed. by M. Ferro and Y. Afanasyev. Moscow, "Progress-Payo", 1989, 560 p.

2. Gachev G. D. National images of the world: a course of lectures, Moscow, Ed. Academy center, 1998, 429 p.

3. Golubev A. V. Soviet society of the 1930s and the formation of foreign policy stereotypes, Russia and Europe in the XIX–XX centuries: problems of mutual perception of the peoples, societies, cultures: collection of scientific works, ed. V. Golubev, Moscow, 1996, pp. 86–114.

4. Kiselev I. Yu. Images of States in international relations: mechanisms of transformation, Polis, 2003, no. 3, pp. 50–57.

5. Lonczynska L. Y., Lymarev A. N. Features of the formation of mass consciousness in 30–40-ies of the XX century , Ural industrial. Bakunin readings: materials of the VIII all-Russia. scientific. Conf. 27–28 APR. 2007: 2 t., Ekaterinburg, 2007, vol.2, pp. 154–158.

6. The world through the eyes of Russians: myths and foreign policy / ed., Moscow, Institute of the public opinion Foundation, 2003, 304 p.

7. Use of the " Other": Images of the East in the formation of European identities. Moscow, New edition, 2004. 335 p.

8. Russia and the West. Formation of foreign policy stereotypes in the consciousness of the Russian society of the first half of the twentieth century, Moscow: IRI ran, 1998. 334 p.

9. Senyavskaya E. S. "the image of the enemy" in the minds of the participants of the First world war, Russia and Europe in the XIX–XX centuries: Problems of mutual perception of peoples, societies, cultures: sat. works / Ed. edited by A. V. Golubev , Moscow, the Iranian Academy of Sciences, 1996, pp. 75–85.

10. Senyavskiy A. S. "The West" as a socio-economic system in the perception of the Soviet person in the period of the cold war, Man in the context of his time: the experience of historical-psychological under-

standing: proceedings of the XX Intern. scientific. Conf.; Saint Petersburg, Dec 18–19. 2006: at 3 a.m. / Under the editorship of S. N. Poltorak, Saint Petersburg, Nestor, 2006, part 3, pp. 99–104.

11. Senyavsky A. S., Senyavsky E. S. The mutual Perception of States and peoples in the modern history in the context of the conflict interaction (research methodology), Problems of Russian history. Moscow - Magnitogorsk, the Iranian Academy of Sciences; the Magician, 2006, vol. VII, pp. 109–141.

12. Soviet encyclopaedic dictionary, Moscow, Soviet encyclopedia, 1981, 1600 p.

13. Toporkov A. L. The Myth: tradition and psychology of perception, Myths and mythology in modern Russia / Under the editorship of K. Eimermacher, F. Bomsdorf, G. Bordugova. Moscow, Friedrich Naumann Foundation, AIRO – XX, 2003, pp. 36–57.

14. Philosophical encyclopaedic dictionary, Moscow, Soviet encyclopedia, 1983, 840 p.

Колдомасов И. О. Категория «образ» в историко-психологическом исследовании (на примере образов врага и союзника) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 36-43.

Koldomasov I. O. The Category of "Image" in the Historical and Psychological Study (for Example Images of the Enemy and the Ally), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 4, pp. 36-43

Сведения об авторе

Колдомасов Илья Олегович - канд. исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; koldomasov@inbox.ru

Author:

Ilya O. Koldomasov - Ph.D. in History, associate professor at the Department of World history, Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; koldomasov@inbox.ru

УДК 82-94:316.77

*А. В. Петров (Магнитогорск, Россия)
Н. В. Ярина (Магнитогорск, Россия)*

«ЕСЛИ БЫ КТО-НИБУДЬ ПРИЗНАЛСЯ МНЕ В ЛЮБВИ, ЧТО ЖЕ ВЫШЛО БЫ?»: РОМАН «ОТЦЫ И ДЕТИ» В ВОСПРИЯТИИ ЕЛИЗАВЕТЫ ДЪЯКОНОВОЙ

Аннотация. Статья написана в рамках междисциплинарных исследований, объединяющих проблемы истории литературы, социологии и психологии чтения, интертекстуальности и гендерологии. Предметом изучения стала читательская рецепция романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» даиэристикой рубежа XIX–XX вв. Елизаветы Александровны Дьяконовой. Авторы статьи констатируют литературоцентризм ее сознания, вобравший в себя все три наиболее репрезентативные концепции чтения, сложившиеся в XVIII–XIX вв.: сентименталистскую, романтическую и реалистическую. Тургеневскому роману посвящена в дьяконовском дневнике одна запись (от 19 ноября 1894 г.), состоящая из выписанных из тургеневского романа цитат и комментариев к ним. В центре этого «составного текста» – несостоявшаяся любовная история Одинцовой и Базарова. Комментируя цитаты, Дьяконова отождествляет себя с героиней Тургенева, и прежде всего с такими ее качествами, как равнодушие и холодность по отношению к мужчинам и к чувственной любви. Отношения мужчины (Базаров) и женщины (Одинцова) даиэристка расценивает как некий поединок, как наказание первого и самоутверждение второй. При этом, проецируя романские ситуации на собственную жизнь, двадцатилетняя провинциальная девушка обнаруживает страх перед любовно-сексуальными связями, браком и незрелость своего психосексуального развития. Возникающий парадокс довольно трудно объяснить: с одной стороны, круг чтения Дьяконовой, ее суждения о прочитанном и об окружающей ее жизни обнаруживают личность с очень высоким уровнем развития интеллекта и эмоциональной сферы; с другой – именно область ее сексуальных переживаний оказывается подавлена. Авторы статьи признают многофакторность возникновения соответствующих фобий и комплексов, в данной статье останавливаясь лишь на «факторе чтения».

Ключевые слова: дневник Елизаветы Дьяконовой, «Отцы и дети» И. С. Тургенева, читательская рецепция, литературоцентризм, фактор чтения, женские страхи, гендер.

Дневник Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902) – один из недооцененных «человеческих документов», которыми так богата русская словесность. Впервые он был напечатан в 1904–1905 гг. в петербургском издательстве «Товарищество И. Н. Кушнерев и К^о» и к 1912 г. выдержал четыре издания. Затем на сто лет «выпал» из поля зрения издателей и вновь вернулся к русскому читателю в 2004–2006 гг. В 2010-е гг. интерес к нему исследователей заметно возрос. К Дьяконовой и ее дневнику обращаются историки ярославского края (М. В. Александрова), женского образования (М. С. Андрианова, А. И. Громова, Е. А. Косетченкова), «женского вопроса» (Т. Б. Котлова, Н. А. Ксенофонтова, Н. А. Мицюк, Ю. В. Халявина), женского костюма и моды (А. И. Громова, Л. Ю. Звягина), российского студенчества (А. Е. Иванов), социологии чтения (Н. Л. Потанина, Д. К. Равинский, С. В. Кончакова), журналистики (А. А. Старышкина). Даже беллетристы пытаются извлечь дивиденды из дьяконовского дневника [2]. И только литературоведы проявляют завидное равнодушие к нему, при том что один только круг чтения даиэристки заслуживает специального многоаспектного исследования. Для обозначения человека / автора, ведущего / пишущего дневник, в русском языке не находится специального слова. Такое слово есть в английском – *diarist*. В отличие от «мемуариста», русским языком оно не освоено. Мы используем «женский» его вариант – «даиэристка», за неимением русского аналога.

По нашим подсчетам, Дьяконова упоминает и цитирует около ста русских и европейских

авторов, ею прочтенных. Среди них почти все русские классики XIX в., за исключением Ф. М. Достоевского. Чаще всего на страницах дневника появляются А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой, но в качестве введения в тему «круг чтения Елизаветы Дьяконовой» мы выбрали И. С. Тургенева, его роман «Отцы и дети» и читательскую реакцию на него даиэристки.

Роман упоминается всего в одной записи – от 19 ноября 1894 г., однако его восприятие Дьяконовой очень показательно с позиций изучения «фактора чтения» (по О. Н. Турышевой) в русской культуре. Литературоцентризм сознания Дьяконовой очевиден и для тех, кто знаком с ее дневником, доказательств не требует. Считается, что расцвет русского литературоцентризма приходится на XIX в. [5; 9]. В его рамках сосуществовали три концепции чтения, соотносимые с эстетикой трех литературных систем [10]:

1) сентименталистская (просветительская): чтение «правильных» книг – главный фактор нравственного воспитания человека и залог его счастливой жизни [6];

2) романтическая: литература – «сфера возвышенных образцов личностного самоосуществления» [10, с. 234; 1];

3) реалистическая: книга – источник подлинного знания о жизни, ее законах, снабжающая читателя нужными для успешного существования поведенческими моделями.

Во всех трех случаях художественная литература предлагает читателю «готовые формы» человеческого поведения и проживания жизни. Но если, например, для самих русских писателей, начиная как минимум с Д. И. Фонвизина и Н. М. Карамзина, были ясны издержки и опасности литературоцентризма – следования литературным образцам «жизнеобустройства» [10], то научная рефлексия над этой проблемой скудна. Дневник Дьяконовой – как «человеческий», а не «литературный» документ – содержит ужасающий, если вдуматься, материал. Во многом этот дневник – рассказ о том, как «готовые формы», в том числе предоставляемые литературой и в целом письменной культурой, формируют у человека различные комплексы. Поскольку мы имеем дело с дневником девственницы, к двадцати годам уже твердо решившей никогда не выходить замуж, то речь пойдет о комплексах психологических и сексуальных. Брачной теме в русской литературе посвящена одна из наших работ [7].

Вот одна из показательных дневниковых записей, в которой литературоцентризм Дьяконовой предопределяет ее отношение к любви и формирует его. 1 мая 1895 г. даиэристка, понаблюдав около года за развитием отношений между ее сестрой Валею и студентом Катрановским (2 апреля он сделал Вале предложение), записывает: *«Должно быть, мне судьба быть зрительницей <...> Удивительно: ведь есть же такие люди, которые, не зная любви, весь век свой живут спокойно, вдали от нее, не имея понятия о романах. Но мне <...> судьба дает иные роли: то наперсницы, как в старинных французских драмах, то посыльного, то секретаря, то советника, то ходатая по секретным делам – и это почти во всех романах, которые мне встречались за небольшой сравнительно период времени от 15 (когда одна моя подруга впервые решила, что я уже не “ребенок” и что мне “можно все сказать”) до 20 лет»¹.*

Как видим, Дьяконова мыслит «от литературы»: любовь ассоциируется у нее с «игровым» началом, с жанровыми амплуа (любовные отношения даиэристка обозначает словом «роман»), но в этих перипетиях она является не протагонистом, а лишь «наперсницей» и даже «зрительницей», находящейся по «ту сторону» сцены – реальной жизни и ее проблем. Тем не менее иногда Дьяконова примеряет на себя «главные роли», чувствует себя героиней «романа». Одна из таких героинь – тургеневская Одинцова.

19 ноября 1894 г. даиэристка отмечает: *«Десятый раз перечитывала “Отцов и детей”. Я знаю почти наизусть этот роман. В нем мои симпатии постоянно привлекает Анна Сергеевна Одинцова, ее холодность и спокойствие»².* Итак, Дьяконовой очень интересен жен-

¹ Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М.: Захаров, 2004. С. 127–128.

² Там же. С. 106.

ский персонаж классического романа о любви, смерти и семье, точнее, некоторые его (Одинцовой) мысли и качества характера, в которых она узнает самоё себя. У нас нет статистики того времени – подсчетов «симпатий» и «антипатий» читательниц и читателей по отношению к героям «Отцов и детей», однако на фоне мужской литературной критики тех лет дьяконовские приоритеты имеют подчеркнuto женский характер.

Современник Дьяконовой, литературный критик и историк литературы И. И. Иванов, отмечал, что интерес читателей и рецензентов романа «Отцы и дети» по его выходе «сосредоточился исключительно на одном герое романа, на одной личности» [4, с. 197]. Все остальные персонажи, кроме Базарова, отошли на второй план, в том числе и Одинцова. Другой критик тех лет, К. Чернышев, специально изучавший женские типы в произведениях Тургенева, вообще проигнорировал женские образы «Отцов и детей». В своем исследовании «Лишние люди и женские типы в романах и повестях И. С. Тургенева» (1896 г.) внимание он уделил Наташе («Рудин»), Лизе («Дворянское гнездо»), Елене («Накануне»), Марианне («Новь») и Асе («Ася») [11, с. 231–279]. По сути, Чернышев повторил перечень Д. И. Писарева из статьи «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» (1861 г.). Писарев рассматривал указанные образы Аси, Натальи, Лизы, Елены, а также Зинаиды («Первая любовь») и Веры («Фауст»). К образу Одинцовой он обратится в следующей своей статье – знаменитом «Базарове» (1862 г.) и ничего, в сущности, не скажет о нем, поскольку анализировать будет образ главного героя, а Одинцову и всех остальных – лишь в отношении к Базарову. Ключевые характеристики Одинцовой у Писарева – «красивая, умная и холодная» [8, т. 1, с. 267; и др.]. Пространно и с симпатией описываются эротические пристрастия Базарова: «Базаров может полюбить только женщину очень умную; полюбивши женщину, он не подчинит свою любовь никаким условиям; он не станет охлаждать и сдерживать себя и точно так же не станет искусственно подогревать своего чувства, когда оно остынет после полного удовлетворения. Он не способен поддерживать с женщиною обязательные отношения; его искренняя и цельная натура не поддается на компромиссы и не делает уступок; он не покупает расположение женщины известными обязательствами; он берет его тогда, когда оно дается ему совершенно добровольно и безусловно» [8, т. 1, с. 270]. Критик дает затем косвенную характеристику Одинцовой как некоего «типа». Назовем его, перефразируя автора статьи, «умная и опытная современная женщина». Такие женщины, говорит Писарев, будучи, как и все женщины в России, существами «зависимыми и страдательными», поступают обычно осторожно и расчетливо. В настоящее время, подытоживает он, «нет женщин, способных серьезно ответить на серьезное чувство Базарова» [8, т. 1, с. 271].

Таким образом, один из радикальнейших русских критиков и публицистов, поддерживавший женское движение, но считавший женский вопрос лишь незначительной частью главного вопроса эпохи – освобождения крестьян и эмансипации личности [12, с. 78], прошел мимо и замысла Тургенева и характера его героини. И. Юкина отмечает, что, хотя Писарев и «возлагал на мужчин ответственность за все существующие женские проблемы», женщина для него существо «страдательное», «задавленное обстоятельствами жизни и не несущее никакой ответственности ни за какие свои действия» [12, с. 91].

Что же выделяет для себя в тургеневском романе, его любовной коллизии читательница из провинции в 1894 году?

Прежде всего неудачу мужчины (Базарова) в любви и победу в этом поединке женщины (Одинцовой): «... моё самолюбие удовлетворяется тем, что Базаров, все отрицающий, ни во что не верящий циник и нигилист, полюбил именно такую женщину, и несчастливо. Она оказалась неизмеримо выше его»³. Несомненно, базаровское отношение к женщине вообще и к Одинцовой в частности должно было вызывать негодование у Дьяконовой в силу его патриархального характера. За прогрессивным некогда нигилизмом она проницательно

³ Дьяконова Е. Указ. соч. С. 106.

разглядела сугубо мужской, высокомерный, сексистский взгляд на женщину – не как на равноправного партнёра, но только как на объект вожделения с *«роскошным телом»*. А еще даиэристке вряд ли понравился ответ Базарова Аркадию на балу у губернатора (гл. XIV):

– *Отчего ты не хочешь допустить свободы мысли в женщинах?* – проговорил он вполголоса.

– *Оттого, братец, что, по моим замечаниям, свободно мыслят между женщинами только уроды*⁴.

Тема красоты и уродства, очень болезненная для Дьяконовой, связана с еще одним из психологических комплексов, разговор о котором составляет в дневнике даиэристки целый «сюжет». Вольно или невольно Дьяконова во всех мужчинах отныне видит Базарова – нигилиста с «нечистыми» мыслями и прошлым, унижающим ее (Дьяконовой-Одинцой) женские достоинство и чистоту. И потому ей импонирует то, что любовь тургеневского героя безответна, то, что женщина *«оказалась неизмеримо выше его»*. Что именно имела в виду даиэристка под этим *«неизмеримо выше»* – непонятно. То, что Одинцова сумела преодолеть зарождающийся интерес к мужчине? Свою чувственность? То, что волнениям страсти предпochла спокойствие?

Мы помним, что Дьяконовой всегда были симпатичны *«холодность и спокойствие»* Одинцовой. Даиэристка выписывает из романа несколько фрагментов – описания реакций тургеневской героини на Базарова – и отождествляет свои чувства с одинцовскими переживаниями, высоко оценивая при этом мастерство писателя – *«знатока женского сердца»*: *«О, великий знаток женского сердца, как он умел живо и ярко изобразить все движения нашей души, все неуловимые порывы, которых мы иногда сами не понимаем»*⁵. Но что это за *«неуловимые порывы»*, которые Дьяконова, благодаря Тургеневу и его героине, осознала в себе, но – поняла ли? Для ответа на этот вопрос прокомментируем два фрагмента – цитаты из *«Отцов и детей»* в дневнике.

Фрагмент 1: *«Странный этот лекарь!»* – повторила она про себя. Она потянулась, улыбнулась, закинула руки за голову, потом пробежала глазами страницы две глупого французского романа – и заснула; вся чистая и холодная в чистом и душистом белье». Комментарий Дьяконовой: *«Так часто засыпаю и я, чувствуя себя похожей на эту героиню»*⁶.

Сначала удалим из цитаты и комментария к ней то, в чем Дьяконова (судя по ее дневнику) «походить» на Одинцову не могла: *«Странный этот лекарь!»*. «Базарова» в жизни даиэристки еще не было; по иронии судьбы *«лекарь»* и даже *«глупый французский роман»* появятся в ней в 1900 г., но завершится эта история не так, как у Одинцовой, а как у Базарова. «Роман» – в том смысле, в каком Дьяконова употребила это слово 1 мая 1895 г. Следовательно, «похожей» на Одинцову Дьяконова могла быть только в одном – когда засыпала *«чистая и холодная в чистом и душистом белье»*. «Грязное», «горячее» и «плохо пахнущее» – используем здесь антонимы к ключевым эпитетам из цитаты – в постели ее не касается, и это *«странное»* – мужчина.

Фрагмент 2: *«Сегодня же я читала то место, где Одинцова, украдкой посматривая на Базарова, думала: “Нет, нет...нет...”»*. Комментарий Дьяконовой: *«И я чуть не вскрикнула, до того подходила эта мысль к моему постоянному настроению»*⁷.

Кому адресовано это троекратное «нет»? Одинцовой-Дьяконовой или любому мужчине и чувственной любви вообще? А ведь для всех «нормальных» женщин, окружающих даиэристку, например, для ее матери и сестёр, это – «нет» женскому счастью. Через 7 лет, в 1901 г., Дьяконова действительно скажет «нет» потенциальному жениху и прочитает после этого в глазах сестры: *«дура»*⁸.

⁴ Тургенев И. С. Отцы и дети [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <http://ilibrary.ru/text/96/index.html>.

⁵ Дьяконова Е. Указ. соч. С. 107.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 349.

При этом Дьяконова никак не комментирует тот факт, что Одинцова вышла-таки замуж, причем «не по любви, но по убеждению»: «Они живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй до любви»⁹. И это еще один нереализованный «сценарий» дьяконовской жизни.

Анализируемая запись (19 ноября 1894 г.) завершается следующим признанием: «Я теперь думаю, каким чудесным образом сохраняет меня судьба! Если бы кто-нибудь признался мне в любви, что же вышло бы? Ведь я так далека от подобной мысли, совершенно не развита в этом отношении и испугалась бы до полусмерти...»¹⁰. И это пишет 20-летняя девушка, которая прочла не только Пушкина и Толстого («Крейцера соната»), но Золя и Мопассана, Нордау («Вырождение») и Крестовского («Петербургские трущобы»), Гёте («Страдания юного Вертера») и Байрона («Дон Жуан»)!. Куда девались все выработанные в течение XVIII–XIX вв. «концепции чтения»?! Стремление к счастью, самоосуществление по литературным образцам, «объективная картина жизни» – всё это книжное знание в одну минуту разбилося о реальность, об эти растерянные девичьи «что же вышло бы?» и «испугалась бы до полусмерти». Ведь вряд ли что-то изменилось за столетие в женской психологии, и «молодых читательниц (до 25 лет)» рубежа XIX–XX вв. романы должны были привлекать так же, как и их ровесниц рубежа XX–XXI вв., в качестве «проекции любовных мечтаний, как источник представлений о половых ролях <...> Для них роман – своего рода “воспитание чувств”» [3, с. 51].

Как увязать эту почти детскую наивность и страхи даиэристки с ее глубокими суждениями о прочитанном, о смерти, о боге, о браке, о многих других вопросах, о которых далеко не всякий двадцатилетний юноша смог бы рассуждать столь здраво? Как разумно, например, звучат мысли Дьяконовой (запись того же, 1894 года, от 7 августа) по поводу книги М. Нордау «Вырождение» – о будущем поколении, которое нравственно и физически должно быть сильнее и здоровее, чем нынешнее: «Лучшие писатели Европы, начиная с Л. Толстого, проповедуют нравственность и единобрачие мужчин. И теперь на нас, представителей молодого поколения, лежит выполнение задач будущего. То есть мы должны воспитать следующее поколение уже иным, чем мы сами: здоровое, сильное, как физически, так и нравственно, смелое, выносливое, с правильными понятиями обо всем. В этом-то будущем поколении должна возникнуть великая сила сопротивления порокам и болезням общества, и быть может, в его власти будет изменить условия жизни...»

Так думали мы, молодые девушки, сидя вдвоем над книгой. Удастся ли только выполнить нам это?»¹¹.

Вот только как Дьяконова собиралась воспитывать «следующее поколение», если уже решила не выходить замуж, если сама мысль о том, что кто-то признается ей в любви, пугала ее до полусмерти? Однако размышлять об этом, «сидя над книгой», она могла.

Подытожим. Для нас очевидно, что духовное, интеллектуальное развитие Дьяконовой опережало ее телесно-чувственное развитие, и третья часть ее записок – «Дневник русской женщины» – продемонстрирует, как долго подавляемая телесность вырвется наконец наружу. Хотя искать причины этого – удел психологов и психоаналитиков, мы, со своей стороны, можем поставить вопрос о роли книги (литературы, печатного слова – «медиа», если использовать современный термин) в возникновении данной ситуации – драматического разрыва между опытом книжным и опытом жизненным. Конечно, не стоит обвинять Тургенева, или Толстого, или Мопассана в том, что правдивое и художественно сильное изображение ими чувственной любви вызвало в тонко организованной девушке страх и отвращение к ней. Факторов, формирующих в человеке различные комплексы, великое множество. И «фактор чтения» – один из них.

⁹ Тургенев И. С. Отцы и дети.

¹⁰ Дьяконова Е. Указ. соч. С. 107.

¹¹ Там же. С. 101.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. Е., Зайцева Т. Б., Рудакова С. В. Романтическая концепция красоты в рассказе Чехова «Красавицы» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 21 (52). С. 343–355.
2. Басинский П. В. Посмотрите на меня: Тайная история Лизы Дьяконовой. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 448 с.
3. Бочарова О. Кто читает любовные романы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 3 (35). С. 49–51.
4. Иванов Ив. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь – личность – творчество. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896. 392 с.
5. Кондаков И. По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России XX–XXI вв.) [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2008. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/5/ko5.html>
6. Невская Т. М., Петров А. В. Дневники и лирика В. А. Жуковского как система духовных упражнений: масонская традиция // Мировая литература глазами современной молодежи: сборник материалов III междунар. студенч. научно-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. С. 46–50.
7. Петров А. В. Брачно-свадебная поэзия в русской литературной культуре XVIII – начала XIX веков: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 238 с.
8. Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. Т. 1. Л.: Худож. лит, 1981. 360 с.
9. Турышева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. 338 с.
10. Турышева О. Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2013. № 1. С. 228–243.
11. Чернышев К. Лишние люди и женские типы в романах и повестях И. С. Тургенева. Опыт разбора литературного типа русских лишних людей, как материал для характеристики развития общества. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1896. 281 с.
12. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.

Petrov A. V. (Magnitogorsk, Russia)

Yarina N. V. (Magnitogorsk, Russia)

**«IF SOMEBODY MADE A DECLARATION OF LOVE TO ME,
WHAT WOULD LEAVE?» : NOVEL «FATHERS AND CHILDREN»
IN ELIZAVETA DYAKONOVA'S PERCEPTION**

Abstract. The article is written within the interdisciplinary researches uniting problems of history of literature, sociology and psychology of reading, intertextuality and gender studies. E. A. Dyakonova's reader's reception of I. S. Turgenev novel "Fathers and children" is a subject of studying. One note is devoted to the novel in Dyakonova's diary (of November 19, 1894). In the center of the quotes which are written out from the novel is a cancelled love story between Odintsova and Bazarov. Commenting on quotes, Dyakonova identifies herself with Turgenev's heroine, and first of all with her such qualities, as indifference and coldness in relation to men and to sensual love. The diarist regards the relations of the man (Bazarov) and the woman (Odintsova) as a certain duel, as punishment of the first one and self-affirmation of the second. Thus, projecting novelistic situations on her own life, the twenty-years-old provincial girl demonstrates fear of love and sexual intercourses, marriage and immaturity of the psycho-sexual development. It is quite difficult to explain the arising paradox: on the one hand, the circle of Dyakonova's reading, her assertions about reading and about the life surrounding her find the personality with very high level of development of intelligence and the emotional sphere; on the other – the area of her sexual experiences is suppressed. The authors admit multifactorial emergence of the corresponding phobias and complexes, still in this article making emphasis only upon "a reading factor".

Keywords: Elizaveta Dyakonova's diary, I. S. Turgenev's «Fathers and children», reader's reception, reading factor, female fears, gender.

REFERENCES

1. Abramzon T. E., Zajceva T. B., Rudakova S. V. Romanticheskaya kon-cep-ciya krasoty v rasskaze Chekhova «Krasavicy», *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], 2016, no. 21 (52), pp. 343–355.
2. Basinskij P. V. Posmotrite na menya: Tajnaya istoriya Lizy D'yakonovoj, Moscow: Izd-vo AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2018. 448 p.
3. Bocharova O. Kto chitaet lyubovnye romany? *Monitoring obshchestven-nogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1998, no. 3 (35), pp. 49–51.
4. Ivanov Iv. Ivan Sergeevich Turgenev. Zhizn' – lichnost' – tvorchestvo. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorohodova, 1896. 392 p.
5. Kondakov I. Po tu storonu slova (Krizis literaturocentrizma v Rossii XX–XXI vv.) [Elektronnyj resurs] // *Voprosy literatury* [The literary questions], 2008, no. 5. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/5/ko5.html>
6. Nevskaya T. M., Petrov A. V. Dnevnik i lirika V. A. Zhukovskogo kak sistema duhovnyh uprazhnenij: masonskaya tradiciya, Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi: sbornik materialov III mezhdunar. studench. nauchno-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2017, pp. 46–50.
7. Petrov A. V. Wedding poetry in the Russian literary culture of the XVIII –early XIX centuries. Magnitogorsk, MaGU, 2013, 238 p.
8. Pisarev D. I. Literaturnaya kritika: V 3 t. Leningrad: Hudozh. lit., 1981. 360 p.
9. Turyshcheva O. N. Kniga – chtenie – chitatel' kak predmet literatury. Ekate-rinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2011, 338 p.
10. Turyshcheva O. N. Russkij literaturocentrizm v aspekte literaturnoj re-fleksii, *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika hudozhestvennyh system* [Ural Philological Bulletin], 2013, no. 1, pp. 228–243.
11. Chernyshev K. Lishnie lyudi i zhenskie tipy v romanah i povestyah I. S. Turgeneva. Opyt razbora literaturnogo tipa russkih lishnih lyudej, kak mate-rial dlya harakteristiki razvitiya obshchestva. St. Petersburg, Tip. I. Gol'dberga, 1896, 281 p.
12. Yukina I. I. Russkij feminizm kak vyzov sovremennosti. St. Petersburg, Aletejya, 2007, 544 p.

Петров А. В., Ярина Н. В. «Если бы кто-нибудь признался мне в любви, что же вышло бы?»: роман «Отцы и дети» в восприятии Елизаветы Дьяконовой // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 44-50.

Petrov A. V., Yarina N. V. «If Somebody Made a Declaration of Love to me, What Would Come out it?»: Novel «Fathers and Children» in Elizaveta Dyakonova's Perception, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 4, pp. 44-50.

Сведения об авторах

Петров Алексей Владимирович - доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова; Магнитогорск, Россия; alexpetrov72@mail.ru.

Ярина Наталья Викторовна - магистрант кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова; Магнитогорск, Россия; alexpetrov72@mail.ru.

Authors:

Aleksey V. Petrov, Associate Professor, Doctor of Science in Philology, Professor at the Department of Linguistics and Literature, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), alexpetrov72@mail.ru

Nataliya V. Yarina, Graduate student, Department of Linguistics and Literature, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), alexpetrov72@mail.ru.

ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ О. УАЙЛЬДА

Аннотация. Авторы статьи обращаются к поэтическому наследию английского писателя О. Уайльда. Впервые предпринимается попытка вычленить импрессионистические парадигмы в его лирике. С помощью методов исторической поэтики и компаративистики решаются задачи изучения влияния французской поэтической традиции на художественную манеру английского автора. Превосходная цветовая гамма, точная образность, уистлеровская выразительность чувств и настроений – вот те элементы, которые сближают стихотворения Уайльда («Симфония в желтом», «Fantaisies Decoratives», «Impressions») и искусство импрессионистов. Авторы считают не случайным, что слово «impression» («впечатление»), наиболее часто встречаемое в лирике писателя, переходит из одного стихотворения в другое. Словесная живопись поэта Уайльда, сумевшая передать все нюансы его пейзажной лирики, подчас напоминает полнота французских живописцев-импрессионистов. Уайльд сам порой в поэтических работах предстает в роли художника, который посредством поэзии передает свои впечатления увиденных явлений внешнего мира. Ярко выраженный интерес к визуальному искусству, ставит его работы импрессионистского толка в один ряд со стихотворениями из сборника Т. Готье «Эмали и камеи». Эволюция описательного стиля поэзии Уайльда, от музейной витиеватости ранних работ до более простого и утонченного искусства, свойственного для его зрелых произведений, сопровождалась аналогичной эволюцией и в интеллектуальном плане. Авторы приходят к выводу, что излишняя декоративность фантазии английского художника отличает предоставленное им описание городских пейзажей от подлинно импрессионистской изобразительности.

Ключевые слова: Уайльд, импрессионизм, поэзия, живопись, декоративная фантазия.

В художественном наследии О. Уайльда поэзии отводится место, как правило, на периферии его творчества. Отчасти в устоявшемся мнении был повинен и сам автор, который, как показывает Дж. Бакли, «казалось, не верил в свои собственные поэтические творения» [5, с. 133]. При этом большая группа исследователей [3; 5; 6: 8] полагает, что в поэтическом наследии прославленного английского мастера можно обнаружить немало художественных достоинств; он предстал перед читателями как сложившийся мастер, со своим особым взглядом на мир, и которому в своих стихах «удалось предвосхитить новую поэтическую эпоху XX века» [6, с. 30].

В данной статье мы обращаемся к тем поэтическим текстам О. Уайльда, в которых, на наш взгляд, наиболее ярко представлена импрессионистическая парадигма; попробуем вычленить те элементы художественной выразительности, которые сближают его поэзию с искусством французских импрессионистов.

«Поэзия должна быть как кристалл, она должна сделать жизнь более прекрасной и менее реальной»¹, – провозглашает О. Уайльд в письме к Г. Робертсону. Следуя данному принципу в своих ранних стихотворениях, поэт возводит Красоту на пьедестал, преклоняясь перед ней, стараясь уловить малейшее ее проявление. Наиболее зримо это представлено в поэме «Сад Эроса», а также в цикле «Четвертая вариация», где пейзажные зарисовки передают возвышенные оттенки душевного настроения героя. В стихотворении «Апология» мы встречаем такие строки:

*Я, глянув Красоте в лицо, познал
Любовь, что движет Солнце и светила².*
(пер. А. Парина)

Первые поэтические работы английского писателя показали, что они скорее продукт образования О. Уайльда, нежели его индивидуального опыта. «Поиск новых ощущений,

¹ Wilde O. The Letter of Oscar Wilde / Ed. Rupert Hart Davis. L.: Harcourt, Brace & World, 1962. P. 217.

² Уайльд О. Стихи. Сборник. М.: Радуга, 2004. С. 119.

нового содержания, новых эмоций, желание уйти от прокрустовых догм традиционной поэзии» - вот то, что объединяло английского поэта с теми, кто входил в знаменитый «Клуб рифмачей», ставший рупором антивикторианских настроений [2, с. 115].

И хотя О. Уайльд не относится к числу так называемых «проклятых поэтов» [4, с. 167], его лирические произведения, не вошедшие в первый поэтический сборник, подверглись значительному влиянию со стороны французской литературы. Духом импрессионизма оказались проникнуты стихи из циклов «Цветы на ветру» («Wind Flowers»), «Цветы золотые» («Flowers of Gold»), «Четвертая вариация» («The Fourth Movement»).

Словесная живопись поэта, сумевшая передать все нюансы его пейзажной лирики, подчас напоминает полнота французских живописцев-импрессионистов. Превосходная цветовая гамма, синестезия, точная образность, специфическая выразительность чувств и настроений - вот те элементы, которые сближают стихотворения английского мастера и искусство импрессионистов.

О. Уайльд сам в поэтических работах предстает порой в роли художника, который посредством поэзии передает свои впечатления от увиденных явлений окружающего мира. И вовсе не случайно, что слово «impression» - впечатление, наиболее часто встречаемое у Уайльда, переходит у него из одного стихотворения в другое. Особенно это заметно по названиям работ поэта - «Impression du Matin» («Утренние впечатления»), «Impression de Theatre» («Театральные впечатления»), «Impression de Voyage», «Impression: Le Reveillon». В стихах, относящихся к категории «impression», О. Уайльд достигает особой остроты в описании некоторых сцен. Цвета, ощущения, причудливое анимистическое звучание - все это позволяет передать сам ход физического движения, которое мы наблюдаем в стихотворении «Impression du Matin»:

*Клубами мутными сползал в реку туман,
Домов неясные вставали очертанья.
Рассвет задул огни, но чудился обман,-
И медлил бледный день вернуться из изгнанья³.*
(пер. В. Эльснера)

Автор улавливает малейший звук, каждое движение просыпающегося города: «Хрипя завыл гудок...»; «Блеснул соборный купол...»; «Тяжелый бот проплыл над сонною водой»⁴.

Словесная живопись Уайльда очень близка по своему мироощущению картинам французских импрессионистов. Полотно Клода Мане «Впечатление. Восход солнца» (1872), давшее название целому направлению в живописи, во многом созвучно по тональности тому описанию, которое предложил английский поэт. Причем Уайльд в эссе «Критик как художник» (1890) не скрывает своей симпатии к новой художественной школе, зародившейся во Франции: «В их набросках есть блеск и законченность эпиграммы, их пастели очаровательны, как парадоксы, а что до их портретов, то при всех обвинениях, обрушиваемых на них заурядностью, невозможно отрицать того присутствующего в них неповторимого и поразительного очарования, которое отличает лишь творения чистой фантазии. Мне они нравятся»⁵. И в заключение этого пассажа критик добавляет: «Мгновение не создает личность, но импрессиониста оно создает, а как бесконечно много можно сказать о мгновении, запечатленном в искусстве»⁶. Эти эмоциональные высказывания лишней раз доказывают приверженность О. Уайльда самому духу «новой парижской школы», к членам которой он себя не относил, но к которой всегда испытывал особые чувства.

В духе импрессионистической выразительности английский поэт пишет стихотворение с очень поэтическим названием «Симфония в желтом» (1889). В нем, прибегая к словесной

³ Уайльд О. Стихи. Сборник. С. 69.

⁴ Там же.

⁵ Уайльд О. Критик как художник // Уайльд О. Избранные произведения. В 2 т. М.: Республика, 1993. Т. 2. С. 318.

⁶ Там же.

живописи, он предпринимает попытку отобразить свои внутренние впечатления. Описание городского пейзажа подается сквозь призму желтого тумана, окутавшего все вокруг:

*Ползет, как желтый мотылек,
Высокий омнибус с моста,
Кругом прохожих суета –
Как мошки, вьются вдоль дорог⁷.*

(пер. И. Копостинской)

Причем у этого стихотворения есть небольшая предыстория, о которой упоминает сам автор в письме к поэту и критику У. Хенли. В нем он сообщает о том, что его «*маленькая “Симфония в желтом”* была навеяна встречей с желтым омнибусом, который еле двигался по мосту Блэкфрайарс в один из туманных дней, неделю назад»⁸.

В песенных ритмах запечатлено настроение уныния, когда природные очертания осени накладываются на «сумерки» души. В своем описании лондонского пейзажа Уайльд прибегает к самой разнообразной гамме красок: «*Ползет, как желтый мотылек, высокий омнибус...*»; «*Баржа уносит желтый стог...*»; «*Мерцает Темза, как нефрит, зеленоватой желтизной...*»⁹. Как справедливо замечает Л. Андреев, внутренний мир автора этого стихотворения — «это мир субъективных оригинальных впечатлений, создание которого Уайльд считал главной задачей художника, но это был мир обдуманых и придуманных впечатлений» [1, с. 161].

Не секрет, что «Симфония в желтом» создавалась как парафраза другого известного стихотворения «Мажорно-белая симфония» (1849) из сборника французского поэта Т. Готье «Эмали и камеи». Отдавая должное своему предшественнику, О. Уайльд писал, что «*этот безукоризненный шедевр цвета и музыки, возможно, подсказал как манеру, так и названия лучших картин художников-импрессионистов*»¹⁰.

Можно сказать, что оба этих стихотворения, построенные на сочетании элементов музыки и живописи, оказались тесным образом переплетены между собой. Каждый из поэтов, создавая свою симфонию впечатлений, стремился подобрать наиболее выразительные оттенки. У английского поэта преобладает желтая палитра, определяющая настрой всего произведения, в то время как у Готье весь изображенный мир залит ярко-белым цветом:

*Мороз ли этот призрак белый -
Мадонну снега изваял,
Что, замеченная лавиной,
Простор полярный стережет,
Как сфинкс, храня в груди невинной
Загадок потаенный лед?¹¹*

(пер. Б. Дубин)

Т. Готье останавливает свой выбор только на тех предметах, которые несут в себе оттенки белого цвета: «*холодный мрамор*», «*слоновая кость*», «*пушок горностая*». Из них он и выстраивает свою симфонию в белом, что позволило Уайльду заметить, что белый тон, которому отдает свое предпочтение Т. Готье, «*составил в искусстве цветовой гаммы целую эпоху*»¹².

В свою очередь Л. Хоннингаузен, отмечая ярко выраженный интерес О. Уайльда к визуальному искусству, ставит его работы импрессионистского толка в один ряд со стихотворениями из сборника Готье «Эмали и камеи», Суинберна «А Sameo», полагая, что все они непосредственно восходят к духу парнасского идеала [7, с. 118]. И для подобного утвержде-

⁷ Уайльд О. Стихи. Сборник. С. 163.

⁸ Wilde O. The Letter of Oscar Wilde. P. 231.

⁹ Там же.

¹⁰ Уайльд О. Критик как художник. С. 313.

¹¹ Готье Т. Избранные произведения в 2 т. М.: Худ. лит., 1972. Т. 1. С. 72.

¹² Уайльд О. Критик как художник. С. 313

ния у критика были все основания.

В заключение следует сказать, что декоративность фантазии английского художника отличает предоставленное им описание городских пейзажей от подлинно импрессионистской изобразительности. Эволюция дескриптивного стиля поэзии О. Уайльда, от «музейной витиеватости» ранних работ до более простого и утонченного искусства, свойственного его зрелым произведениям, сопровождалась аналогичной эволюцией в интеллектуальном плане, когда от обсуждения общих проблем политики, этики, и эстетики, поэт переходит к оценке своих внутренних переживаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л. Г. Импрессионизм = Impressionnisme: Видеть. Чувствовать. Выразать. М. : Гелеос, 2005. 320 с.
2. Савельев К. Н. «Клуб рифмачей» как эмблема английского декаданта // LibriMagistri. Вып. 2. Русская поэзия в контексте мировой культуры. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2015. С. 115-120.
3. Савельев К. Н. Литература английского декаданта: истоки, становление, саморефлексия : автореф. дис. ...доктора филол. наук, М., 2008. 34 с.
4. Савельев К. Н. Природа декадентской образности в поэтическом наследии А. Ч. Суинберна // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 167-177.
5. Buckley J. H. The Victorian Poets. A Guide to Research. Cambridge : Harvard University Press, 1968, pp. 433.
6. Ericksen D. Oscar Wilde. Boston: Twayne, 1977. 175 p.
7. Honnighausen L. The Symbolist Tradition in English Literature: A Study of Pre-Raphaelitism and Fin de Siecle. Cambridge: Cambridge univ. press, 1988, 349 p.
8. Roditi E. Oscare Wilde. Norfolk, Connecticut : New Directions, 1947, 256 p.

K. N. Savelyev (Magnitogorsk, Russia)

O. M. Buranok (Samara, Russia)

IMPRESSIONISTIC MOTIF'S IN THE LYRICS OF THE O. WILDE

Abstract: In the article the authors turn to the poetic heritage of the English writer O. Wilde. For the first time an attempt is made to determine the Impressionist paradigms in his lyric poetry. Using the methods of historical poetics and comparativistics, the influence of the French poetic tradition on the artistic manner of the English author is studied. Excellent color palette, precise imagery, and Whistler expressiveness of feelings and moods are common to Wilde's poems ("Symphony in Yellow", "Fantaisies Decoratives", "Impressions") and the Impressionists' art. It is not a coincidence that the word "impression" is widely used in his lyrics, appearing in different poems. The poet's verbal painting, which managed to convey all the nuances of his landscape lyrics, at times, resembles the fullness of French Impressionist painters. In his works, he appears as an artist who, through poetry, conveys his impressions of the seen phenomena of the external world, expressing an interest in visual art, putting his works of impressionism on a par with poems from T. Gautier's collection "Enamels and Cameos". Evolution of Wilde's descriptive style, from the museum's ornate eloquence characteristic of his early works to the simpler and refined art typical for his mature works, was accompanied by a similar intellectual evolution. We came to the conclusion that the description of urban landscapes provided by the English artist is different from the truly impressionistic representation due to the excessive decorativeness of his imagination.

Keywords: Wilde, impressionism, poetry, painting, decorative fantasy

REFERENCES

1. Andreev L. G. Impressionizm = Impressionnisme: Videt'. Chuvstvovat'. Vyrzhat'. Moscow: Geleos, 2005. 320 p.

2. Savel'ev K. N. «Klub rifmachei» kak emblema angliiskogo dekadansa, LibriMagistri. Vol. 2. Russkaya poeziya v kontekste mirovoi kul'tury. Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G.I. Nosova, 2015, pp. 115-120.
3. Savel'ev K. N. Literatura angliiskogo dekadansa: istoki, stanovlenie, samorefleksiya : avtoref. dis. ... doktora filol. nauk, Moscow, 2008. 34 p.
4. Savel'ev K. N. Priroda dekadentskoj obraznosti v poeticheskom nasledii A. Ch. Suinberna, *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. 2007, no. 18. pp. 167-177.
5. Buckley J. H. The Victorian Poets. A Guide to Research. Cambridge : Harvard University Press, 1968, 433 p.
6. Ericksen D. Oscar Wilde. Boston: Twayne, 1977. 175 p.
7. Honnighausen L. The Symbolist Tradition in English Literature: A Study of Pre-Raphaelitism and Fin de Siecle. Cambridge: Cambridge univ. press, 1988, 349 p.
8. Roditi E. Oscare Wilde. Norflok, Connecticut: New Directions, 1947, 256 p.

Савельев К. Н., Буранок О. М. Импрессионистические мотивы в лирике О. Уайльда // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 51-55.

Savelyev K. N., Buranok O. M. Impressionistic Motif's in the Lyrics of the O. Wilde, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 51-55.

Сведения об авторах

Савельев Константин Николаевич – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; Магнитогорск, Россия; savakos@mail.ru

Буранок Олег Михайлович – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической, зарубежной литературы и методики преподавания литература Самарского государственного социально-педагогического университета; Самара, Россия; olegburanok@yandex.ru

Authors:

Konstantin N. Savelyev, Associate Professor, Doctor of Science in Philology, Professor at the Department of Linguistics and Literary, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; savakos@mail.ru

Oleg M. Buranok, Associate Professor, Doctor of Science in Philology, Professor at the Department of Russian and World Literary and Literary Studies, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia; olegburanok@yandex.ru

**РАДУШНАЯ И БЕЗДУШНАЯ РОССИЯ
В КНИГЕ С. ШОЛЛЬ «RUSSLAND MIT UND OHNE SEELE»**

Аннотация. Взгляд зарубежных исследователей на Россию и ее граждан основан на стереотипах, которые существенно отличаются от того, как оценивают себя сами россияне. Данная статья посвящена анализу столкновения гетеростереотипов и автостереотипов, обнаруживающихся в книге С. Шолль «Russland mit und ohne Seele». В своем документальном произведении писательница делится впечатлениями о России и русских людях, полученными во время продолжительной работы в Москве в качестве журналистки Österreichischer Rundfunk (ORF) - австрийской общественной телерадиокомпании. С. Шолль сравнивает эти представления о России с рассказами, услышанными при встречах с известными и неизвестными россиянами. Собеседники Шолль излагают собственное видение происходящих в стране событий, оценивают перипетии повседневной жизни. Писательницу приятно или неприятно поражает положение дел в российском быту; она связывает свои наблюдения за сменой власти и расстановкой сил на политическом олимпе огромной страны. Ее волнует трудная, отчасти драматичная судьба собеседников, которые не поддаются жизненным обстоятельствам и по-настоящему реализуют силу русского духа. В такой России, по мнению автора, проявляется ее загадочная душа. Однако зачастую, особенно, если речь идет о большой политике и высших российских чинах, австрийскую журналистку удивляют бездушные, бюрократическая волокита и отсутствие демократии. В аннотации к книге написано, что автор пытается воссоздать реальную картину жизни России на основе повседневных историй простых людей и воспоминаний известных личностей. Выводы С. Шолль далеко не всегда объективны, но ее взгляд, не свободный от стереотипов, все же очень интересен. Это гетеростереотипная точка зрения на Россию и русский народ, которая значительно отличается от автостереотипного представления о себе самих граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: автостереотип, гетеростереотип, Россия, национальный характер, русская душа, загадочность.

Что ответит россиянин на вопрос о своем национальном характере? Скорее всего, он назовет такие черты русского характера, как радушие, гостеприимство, доброту, широту души [1]. Это автостереотипный взгляд, т. е. привычное представление россиян о собственной культуре. Но есть еще гетеростереотипы, т. е. стереотипы представителей других культур [2, с. 155]. Иными словами, то, какими нас видят другие народы.

Одну из таких попыток понять «загадочную русскую душу» предприняла австрийская журналистка и писательница, лауреат многих литературных премий Сюзанна Шолль. С. Шолль имеет докторскую степень по славистике, хорошо говорит по-русски, т. к. с 1991 г. живет и работает в Москве в качестве корреспондента московского бюро ORF.

В 2017 г. С. Шолль посетила МГТУ им. Г.И. Носова с авторскими чтениями в рамках сотрудничества кафедры романо-германской филологии и перевода и австрийского читального зала. Во время своего визита она подарила кафедре свою книгу «Russland mit und ohne Seele», изданную в 2009 г. в Зальцбурге [10]. Книга представляет собой серию рассказов о людях, с которыми С. Шолль сводили ее жизнь в Москве и поездки по России. Среди ее собеседников есть и известные личности, такие как А. Политковская, А. Симонов, В. Ерофеев, Л. Улицкая и др., а есть и простые таксисты, продавцы, переводчики, программисты. Беседуя с ними, слушая рассказы об их семьях и перипетиях судеб, С. Шолль пыталась найти ответ на вопрос: «Какая она Россия? Есть ли у нее душа? И в чем ее загадочность?» [8]. Или стоит поверить Ф. Тютчеву: «Умом Россию не понять, в Россию можно только верить?»

Среди стереотипов, подтверждающих представление русских о самих себе, автор выделяет непунктуальность и плохие дороги; увлечение рыбалкой: «*Ich kenne keinen russischen Mann, der nicht vom Angeln schwärmt*»¹; любовь к выпивке: «*Wie jeder richtige Russe, wenn er*

¹ Scholl S. Russland mit und ohne Seele. Ecowin Verlag, Salzburg, 2009. S. 53

*nicht anderes tun kann, trinkt er eine Kiste Wodka*²; гостеприимство, с которым С. Шолль встречали ее многочисленные друзья, готовность накормить и одарить. Эту Россию Сюзанна Шолль называет радушной - *mit Seele*. В данном случае мы видим совпадение авто- и гетеростереотипов.

Однако опыт жизни в нашей стране временами показывал С. Шолль и другую Россию - *Russland ohne Seele*. Так, автор приводит слова, услышанные в толпе: «В России все сделано не для людей». Их можно отнести и к коммунальным квартирам «*Gemeinschaftswohnungen*», и к плохой работе общественного транспорта, и к бюрократии, с которой неоднократно приходилось сталкиваться писательнице.

Поражает журналистку тот факт, что в России все еще во всех грехах обвиняют евреев. Причем праворадикальные политические группировки выступают не только против семитов, но и лиц кавказской национальности: «*Personen kaukasischer Nationalität*»: «*Russland den Russen*» - Россия для русских³. Рассказывая о жизни журналистки Галины Мурзалиевой, автор описывает, как война в Карабахе перевернула жизнь семьи, где муж - азербайджанец, а жена – армянка. Бегство в относительно спокойную Москву, а точнее в маленький городишко Ярцево, заставило семью пережить много трудностей. Соседи не понимали, как женщина с двумя детьми и престарелыми родителями не знает, как сажать картошку и возделывать огород. Здесь прослеживается типичный стереотип деревенской жизни в России: все выращивают картофель, который является для русского человека вторым хлебом. Галина по роду своей журналистской деятельности знала Москву, которую она олицетворяла со всей страной, но она не знала жизни маленьких городов. Еще одно клише взяла себе на заметку С. Шолль: «Москва – это не Россия» / *Moskau ist nicht Russland*.

Слушая рассказы о жизни своих собеседников, автор замечает, что в российского общества и после войны, и в наше время дети растут без отцов. Если в послевоенное время это было объяснимо, то сейчас многие дети растут в неполноценной семье из-за развода родителей «*...der Krieg tat ein Weiteres, um Waisen zu produzieren. Die vaterlose Gesellschaft war und ist eine Tatsache, eine auch die heutige russische Gesellschaft prägende Tatsache*»⁴. Как правило, в таких случаях функции матери и отца берут на себя бабушки и дедушки, ибо родители вынуждены зарабатывать на жизнь. С. Шолль называет наше общество «*vaterlose / elternlose Gesellschaft*» обществом безотцовщины / обществом сирот. «*Die vaterlose Gesellschaft war und ist zum Teil immer noch auch eine Gesellschaft der Großmütter, die die Elternrolle übernehmen*»⁵. Бабушки и дедушки воспитывают подрастающее поколение на своих идеалах в духе уходящего времени, и новое поколение не знает другой жизни и не стремится к ней: «*Ganze Generationen sind so aufgewachsen, haben diese Art von Leben als selbstverständlich hingenommen, weil es nichts anderes gab*»⁶. Неприятный, но отчасти справедливый вывод.

Как отмечает С. Шолль, в обществе безотцовщины женщина вынуждена быть сильной, брать на себя ответственность за детей и родителей, зарабатывать на жизнь. Но интересен, по ее мнению, тот факт, что политикой занимаются в основном мужчины. «*Eine Situation, die ganz Russland betrifft. Eine vaterlose Gesellschaft, in der Verantwortung ausschließlich Sache der Frauen ist – und Politik trotzdem ausschließlich Sache der Männer*»⁷. «*Frauen in Russland heute: Selbst wenn sie den Männern im Business oft den Rang ablaufen, sind immer noch sie es, die die Kinder großziehen und sich um das Überleben im Alltag zu kümmern haben*»⁸. Поражает автора разделение профессий на мужские и женские [3] не только по характеру труда, но и в силу разницы в оплате труда, т. к. женщина получает заработную плату меньше, чем мужчина за

² Там же, S. 54

³ Там же, S. 34

⁴ Там же, S. 38

⁵ Там же, S. 67

⁶ Там же, S. 70

⁷ Там же, S. 38

⁸ Scholl S. *Russland mit und ohne Seele*. Ecowin Verlag, Salzburg, 2009. S. 72

один и тот же объем выполненной работы: «*Ärzte, Lehrer – das waren die am schlechtesten bezahlten Berufe und folglich jene, die man den Frauen überließ*»⁹.

Еще одна особенность русской жизни бросилась писательнице в глаза. В Советском Союзе было стыдно рожать детей вне брака. Поэтому многие союзы заключались вынужденно, лишь ради законного появления ребенка на свет. Как правило, такие браки быстро распались, т. к. не выдерживали трудностей семейной жизни, не будучи скрепленными общностью интересов или любовью: «*In der Sowjetunion der angeblich neuen moralistischen Ideen gab es nicht Schlimmeres, als unverheiratet schwanger zu werden*»¹⁰. Давление общества было слишком сильно. Нельзя было отличаться от других, нужно было быть таким, как все, не выбиваться из привычных норм и не разрушать стереотипы, принятые в обществе: «*Von Moral war immer wieder die Rede*»¹¹.

Показателем здоровья самого общества считается его отношение к больным людям. «Быть больным и старым в России может позволить себе только богатый человек», пишет С. Шолль, и, наверное, с ней трудно не согласиться: «*Die Pflege in den sowjetischen Krankenhäusern war so schlecht, wie sie es heute in den russischen ist*»¹².

Очевиден оппозиционный настрой писательницы по отношению к действующей власти. С. Шолль была дружна со многими диссидентами, и чувствуется ее симпатия к революционно настроенным россиянам. Она часто вспоминает разговоры на советских кухнях, где в свое время обсуждались острые политические темы. С распадом Советского Союза многим на Западе показалось, что времена кухонных разговоров и диссидентов безвозвратно ушли. Но писательница убеждена, что это не так: «*Heutzutage sitzt man wieder in der Küche und wälzt düstere Zukunftsszenarien*»¹³. Как журналист, интересующийся политикой, С. Шолль позволяет себе комментировать политические события, происходящие в России. По ее мнению, диссиденты не справились со свободой, которая была им предоставлена в перестроечное время, позволявшее им спорить, нарушать табу. Они не взяли на себя активную роль в этом процессе, не стали главными действующими лицами, а остались зрителями и комментаторами: «*Dissidenten sind nicht geeignet, sich auf den Kampf um die Macht einzulassen*»¹⁴.

В подтверждение слабости российской оппозиции С. Шолль приводит интервью с российской писательницей Л. Улицкой, в котором последняя заявляет: «наши люди пассивны, несамостоятельны и боязливы», поэтому Россия заслуживает то правительство и ту власть, которые имеет: «*Heutzutage gehen die talentiertsten, klügsten und ehrlichsten Leute nicht in die Politik <...> Vermutlich sind wir mit unserer geringen zivilen Aktivität selbst schuld daran, dass aggressive, ungebildete und gierige Leute an der Macht sind*»¹⁵.

С. Шолль критикует Президента В. Путина, позволяя себе сравнение невысокого по росту Владимира Владимировича с маленьким человеком, главным персонажем в книгах Л. Улицкой. Маленький человек меняет большую историю: «*Glasnost und Perestroika blieben zwar noch eine Weile die wichtigsten Attribute der neuen Zeit, aber mit dem unaufhaltsamen Aufstieg eines bis dahin weitgehend unbekanntes kleinen Mannes namens Wladimir Putin verschwanden auch sie im schwarzen Loch der gedächtnislosen Geschichte*»¹⁶. С. Шолль считает, что с приходом В. Путина к власти прошло время вседозволенности. Она удивлена новым поколением молодых патриотов России, называвшихся сначала «Идущие вместе», потом «Наши», «Молодая гвардия» [9], готовых идти вместе с В. Путиным и быть его поддержкой: «*Gemeint war immer das Gleiche: Unser Führer ist Putin und Russland gehört nur uns aufrechten Patrioten. Jeder, der gegen Putin und Russland ist oder kritisiert, was in Russland vor sich geht, ist kein Pat-*

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, S.73

¹¹ Там же, S.51

¹² Там же, S.74

¹³ Там же, S.59

¹⁴ Там же, S.61

¹⁵ Там же, S.85

¹⁶ Там же, S.61

riot, sondern ein Feind»¹⁷. Писательница не случайно выбирает слово вождь «*Führer*», т. к. в русской оппозиционной среде участников и движение называют «нашистами» и «путинюгендом», сравнивая с «гитлерюгендом» [5].

С. Шолль пишет, что искушению переписать историю, чтобы она оправдывала современность, подвержены власть имущие во всем мире. Однако, с ее точки зрения, в России это стало традицией переписывать историю в пользу власть предержащих. Писательница вспоминает при этом и Сталина, об ошибках руководства которого замалчивалось, и Хрущева, при котором наоборот критиковался культ личности, но масштаб личности самого Никиты Сергеевича преуменьшался, и Горбачева с Ельциным, которые открыли архивы и дали возможность говорить о преступлениях стоящих у власти. Но автор убеждается, что история России непредсказуема. И Путин с КГБ снова переписывают историю. Годы относительной демократии называются хаосом, война в Чечне антитеррористической операцией¹⁸. С. Шолль вспоминает созданную при президенте Медведеве комиссию по восстановлению исторической памяти. По ее мнению, если кто и может переписывать историю, то только одна русская политическая элита: «*Der Kampf um die Vergangenheit ist in Russland jedenfalls ein besonderes erbitterter, der, so könnte man meinen, nie aufhört*»¹⁹. При этом автор забывает, как оскорбительно для СССР и для России переписывают историю XX века на Западе.

Позволим себе небольшой комментарий по поводу упомянутой выше комиссии. Ее основной задачей была подготовка предложений, направленных на реализацию программы увековечивания жертв политических репрессий. Члены комиссии открыли специализированный сайт «Историческая память: 21-й век» о государственном терроре в Советском Союзе. Комиссия занималась вопросами сохранения исторической памяти, развитием современной исторической науки, поддержкой музейных проектов [6]. То есть абсурдно признавать такую деятельность приукрашиванием прошлого или переписыванием истории в пользу российской политической элиты, как считает С. Шолль. Не будем заниматься критикой политики Германии и ее руководства, а также обсуждать разные трактовки итогов Второй мировой войны: неблагоприятные моменты в прошлом и настоящем этой большой страны тоже найдутся. Оставим без комментариев и ангажированность автора.

Прочитав книгу С. Шолль, явственно чувствуешь симпатии и антипатии писательницы. Ее симпатии на стороне простых людей, с которыми ее случайно сводит жизнь в столице, но прежде всего они на стороне диссидентов, разделяющих ее политические взгляды. Антипатию у нее вызывают действующая власть и политическая элита России.

Автостереотипы о России, как правило, положительно окрашены. Это и понятно, радушие, гостеприимство, доброту и широту души россиян отмечают все иностранцы. Гетеростереотипы о России носят критический характер. Они связаны с нашим укладом жизни, разгульностью и бесшабашностью, упованием на сильных мира сего, а также иерархичностью нашей власти.

В аннотации к книге написано, что автора интересовал вопрос: «Как живут люди в этой стране, которая никогда не найдет золотой середины?» Да, Россия – страна контрастов. Она занимает 1/6 часть суши, в ней представлены почти все климатические зоны. Страна расположена и в европейской, и в азиатской части земного шара. Она вобрала в себя черты и западной, и восточной цивилизаций. Ее история богата как победами, так и поражениями.

В Российской Федерации 85 субъектов, в каждом из которых уживаются представители разных национальностей, этносов, культур и религий, более 200 национальностей. Все это: география, климат, история – наложило свой отпечаток на формирование русского национального характера, состоящего из противоречий, метаний от одной крайности к другой. Вникнуть в загадочную русскую душу очень непросто. Не случайно У. Черчилль, имевший богатый опыт общения с лидерами СССР, заметил: «Я не могу предсказать вам действия

¹⁷ Scholl S. Russland mit und ohne Seele. Ecowin Verlag, Salzburg, 2009. S. 127

¹⁸ Там же, S.144-145

¹⁹ Там же, S.143

России. Это загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки; но, возможно, есть ключ. Этот ключ – русский национальный интерес» [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вторушина Ю.Л., Михина О.В., Овсянникова Г.А. Культура и коммуникация : учебн. пособие по курсу «Введение в теорию межкультурной коммуникации» .2-е изд., перераб. и доп. Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2016. 93-115.
2. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студ. линг. фак. высш. учеб. заведений. 5-е изд., испр. и доп. М. : Издательский центр «Академия», 2008. 352 с.
3. Михина О.В. Гендерные стереотипы в русской и немецкой культурах // Женщина в современном обществе. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. ред, М. Р. Москвина и др. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2011. С. 227-233.
4. Михина О.В. Сопоставительный анализ публицистических арсеналов общественных движений России и Германии // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. / Х. Вальтер, Д. В. Жигулина, А. Н. Михин, О. В. Михина, А. А. Осипова, Н. В. Позднякова, О. Е. Чернова, С. Г. Шулежкова; Науч.-исслед. словарная лаб. ИТЦ Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова ; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; отв. ред. С.Г. Шулежкова.– Магнитогорск : ЗАО «Дом печати» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. С. 249-289.
5. Наши (движение) [Электронный ресурс // Википедия]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 08.08.2018).
6. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс] URL: <http://president-sovet.ru/about/comissions/permanent/read/5> (дата обращения: 8.08.2018).
7. Цитаты. У. Черчилль. [Электронный ресурс]: URL: <https://tsitaty.com/цитата/185780> (дата обращения: 9.08.2018).
8. Morozov E., Urazayeva N., Kusarbaev R. S. Sholl's "Own" and "Alien" Russia [Электронный ресурс // SHS. Web of Conferences 50, 01113 (2018)]: URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001113> CILDIAH-2018 (дата обращения: 07.09.2018).
9. Ossipova A. A., Michina O. V., Pozdnjakova N. V. Repräsentation der Konzepte RUSSLAND und DEUTSCHLAND in den publitistischen Texten // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3 (48). С.34-41.
10. Scholl S. Russland mit und ohne Seele. Ecowin Verlag, Salzburg, 2009. 185 s.

O. V. Mihina (Magnitogorsk, Russia)

HEARTFUL AND SOULLESS RUSSIA IN S. SHOLL'S BOOK «RUSSIA WITH AND WITHOUT SOUL» («RUSSLAND MIT UND OHNE SEELE»)

Abstract. The purpose of this article is to analyse the stereotypes about Russia which are described in S. Sholl's book «Russia with and without Soul». The writer describes her impressions of this country and the Russian people which she obtained during her long stay in Moscow as a journalist of ORF. The author tells the reader about her meetings with famous and common people; expresses her opinion about different events which took place in the life of her characters and in the political life of the country; writes about pleasant and unpleasant surprises she had; comments on the change of power and shifts in the balance of forces on the political Olympus of Russia. S. Sholl is struck by a cruel, tragic fate of her heroes who face life's difficulties and show the strength of the Russian spirit. According to the author, Russia's enigmatic soul is revealed through these people. But when it comes to politics and leading politicians, she is surprised by their callousness, bureaucracy and lack of democracy. The annotation of the book says that the author tried to describe the real life of Russia on the basis of everyday stories of ordinary people and memories of famous personalities. We do not always agree with the conclusions of the author, which makes it more interesting to discover how other nationalities see us. This is a heterostereotype of the Austrian writer about the Russian people and

about Russia which differs from the autostereotype of the Russian reader.

Keywords: Russia, national character, Russian spirit, inscrutability, autostereotype, heterostereotype.

REFERENCES

1. Vtorushina Yu.L., Mikhina O.V., Ovsyannikova G.A. Kul'tura i kommunikatsiya : uchebn. posobie po kursu «Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoi kommunikatsii» .2-e izd., pererab. i dop., Magnitogorsk, Magnitogorskii Dom pechati, 2016, pp. 93-115.
2. Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoi kommunikatsii: ucheb. posobie dlya stud. ling. fak. vyssh. ucheb. zavedenii. 5-e izd., ispr. i dop., Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008, 352 p.
3. Mikhina O. V. Gendernye stereotipy v russkoi i nemetskoj kul'turakh, Zhenshchina v sovremennom obshchestve. Materialy Mezhtsentrnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. red, M. R. Moskvina i dr., Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorskogo gos. un-ta, 2011, pp. 227-233.
4. Mikhina O.V. Spostavitel'nyi analiz publitsisticheskikh arsenalov obshchestvennykh dvizhenii Rossii i Germanii, Publitsisticheskii arsenal obshchestvennykh dvizhenii Rossii i Germanii : koll. monogr, Kh. Val'ter, D. V. Zhigulina, A. N. Mikhin, O. V. Mikhina, A. A. Osipova, N. V. Pozdnyakova, O. E. Chernova, S. G. Shulezhkova; Nauch.-issled. slovarnaya lab. ITTs Magnitogorskogo gos. tekhn. un-ta im. G.I. Nosova ; Graifsvaldskii un-t im. Ernsta Moritsa Arndta; otv. red. S. G. Shulezhkova, Magnitogorsk, ZAO «Dom pechati» ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015, pp. 249-289.
5. Nashi (dvizhenie) [Elektronnyi resurs], Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashcheniya: 08.08.2018).
6. Sovet pri Prezidente Rossijskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka [Elektronnyi resurs]. URL: <http://president-sovet.ru/about/comissions/permanent/read/5> (data obrashcheniya: 08.08.2018).
7. Tsitaty U. Cherchil'. [Elektronnyi resurs]: URL: <https://tsitaty.com/tsitata/185780> (data obrashcheniya: 9.08.2018).
8. Morozov E., Urazayeva N., Kusarbaev R. S. Sholl's "Own" and "Alien" Russia [Электронный ресурс // SHS. Web of Conferences 50, 01113 (2018)]: URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001113> CILDIAH-2018 (дата обращения: 07.09.2018).
9. Ossipova A. A., Mikhina O. V., Pozdnyakova N. V. Repräsentation der Konzepte RUSSLAND und DEUTSCHLAND in den publizistischen Texten, Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki, 2016, no 3 (48). pp. 34-41.
10. Scholl S. Russland mit und ohne Seele. Ecowin Verlag, Salzburg, 2009. 185 p.

Михина О. В. Радужная и бездушная Россия в книге С. Шолль «Russland mit und ohne Seele» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 56-61.

Mihina O. V. Heartful and Soulless russia in S. Sholl's Book «Russia with and without Soul» («Russland mit und ohne Seele»), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 4, pp. 56-61.

Сведения об авторе

Михина Ольга Викторовна - доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; olga-sinyayeva@yandex.ru.

Author:

Olga V. Mihina, Associate Professor, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Romano-Germanic Philology and Translation, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; olga-sinyayeva@yandex.ru

IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК: 304.9:141.2:061.3

С. Л. Андреева (Магнитогорск, Россия)
В. О. Хвостикова (Ростов-на-Дону, Россия)

УТОПИЧЕСКИЙ ТИП СОЗНАНИЯ И ПОИСКИ ИДЕАЛЬНОГО ЛОКУСА: НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 450-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т. КАМПАНЕЛЛЫ

Аннотация. Утопический тип сознания имеет множественные проявления в истории и культуре. Утопия может рассматриваться как форма реализации социального прогнозирования, как, безусловно, позитивное и прогрессивное явление для развития человеческой цивилизации; или как форма социальной ограниченности, приводящая к идеологии тоталитаризма, вселяющая бесплодные надежды, формирующая ложные ценности и идеалы. Технические и технологические возможности современного человечества укрепили идею достижимости рая на земле и мечту о создании идеальных общественных отношений. Вопрос «Как обустроить жизнь?» неотделим от поиска идеального пространства. Найти место (идеальный локус) значит запустить время и приблизить мечту. Об утопии написано не сотни, а десятки тысяч научных трактатов, однако точка в этом вопросе еще не поставлена. Это доказала II Всероссийская (с международным участием) междисциплинарная научная конференция «Утопические проекты в истории культуры на тему “Город Солнца”: в поисках идеального локуса», которая прошла в Ростове-на-Дону 6-8 декабря 2018 г. на площадке Южного федерального университета (при финансовой поддержке РФФИ¹). Научный форум был приурочен 450-летию со дня рождения Т. Кампанеллы - итальянского философа, революционера, социалиста-утописта, теолога, автора культовой утопии «Город солнца». Материалы статьи содержат обзор интересных и разноплановых докладов, а также общих результатов конференции.

Ключевые слова: утопия, утопический тип сознания, Томазо Кампанелла, междисциплинарная научная конференция, философия, культурология, филология, история, социология.

Ученые не собираются закрывать тему утопии! Настолько неоднозначно, по-новому и злободневно она звучит для современных философов, историков, филологов и культурологов всего мира. В этом можно было убедиться 6-8 декабря 2018 г. в Ростове-на-Дону, где на площадке Южного федерального университета прошла II Всероссийская (с международным участием) междисциплинарная научная конференция «Утопические проекты в истории культуры на тему “Город Солнца”: в поисках идеального локуса», организованной при финансовой поддержке РФФИ.

Междисциплинарность данной научной конференции не следует трактовать как смелость или прихоть организаторов. Такой подход к изучению утопического назрел давно. Как отметили многие участники конференции, только мультидисциплинарность позволяет добиться синергетического эффекта в исследовании утопии - столь противоречивого, сложного и глубокого явления в истории и культуре.

Декабрьская конференция 2018 г. - это уже второй научный форум по утопическому типу сознания в Ростове-на-Дону. Первая конференция состоялась 2 года назад также в ЮФУ [3]. Доктор права и социальных наук, испанско-уругвайский философ и писатель Фернандо Аинса справедливо заметил тогда, что рано предсказывать «смерть утопии», потому что ее расцветы сменяются падениями, из которых она всегда выходит «наученной горьким опытом, но не побежденной». Следы этих трансформаций мы находим «сегодня в образе жизни, языке, музыке, живописи и литературе; в раскрепощенном сексуальном поведении, в новых проблемах человечества: формах прямой демократии, экологии, феминизме, требованиях защиты прав человека и меньшинств, обсуждении идей о “возможности иного мира”» [1, с. 6].

¹Конференция подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-011-20114).

В 2018 году исполнилось 450 лет со дня рождения Томмазо Кампанеллы, итальянского мыслителя, автора утопического трактата «Город Солнца», фигуры неоднозначной, но, безусловно, культовой. Интерес к данной теме обусловлен не только влиянием указанного произведения на развитие утопической мысли и не только оригинальными взглядами Кампанеллы на развитие государства и общества; а также и тем, что «Город Солнца» четко обозначил в структуре утопического типа сознания концепт-локус - город, который стал ценностью и символом идеального пространства для идеальной жизни.

Полезно ли изучать утопии? Авторы каждого нового утопического проекта - это внимательные критики современной им эпохи, они «демонстрируют качества диагностов, выявляющих разные социальные болезни и их причины» [П, с. 28]. Так считает «душа» декабрьской конференции доктор философских наук, профессор ЮФУ Т. С. Паниотова, благодаря энергии которой и умению увлечь идей исследования утопического сознания, второй всероссийский форум оказался столь представительным.

В этом году конференция собрала видных ученых со всей России и 10 стран мира: Великобритании, Испании, ФРГ, Бразилии, Молдовы и др. Среди российских участников 76 человек представляли 40 городов РФ, в том числе Москву (МГУ, МГИМО, РУДН, ВШЭ, и др.), Санкт-Петербург (Европейский Университет), Казань, Севастополь и Симферополь, Екатеринбург, Магнитогорск, Астрахань, Иркутск, Вологду, Мурманск, Нальчик и др. Особенно много участников было из Ростова-на-Дону и области. Нельзя не отметить большое количество студентов, магистрантов и аспирантов, посетивших конференцию. Многие из них выступили с докладами, где изложили современные, свежие взгляды на утопию. Всего на сайте конференции зарегистрировалось свыше 140 участников. Часть исследователей приняли участия в конференции заочно. Их тезисы тоже войдут в сборник материалов конференции, планируемый к изданию в начале 2019 г.

Открытие столь масштабного мероприятия предварял мастер-класс (на испанском языке) Рикардо Иглесиаса (профессора факультета искусств Университета Барселоны) на тему «Искусство и робототехника: технология как эстетическое экспериментирование» и

лекции профессора Грегори Клейса (Университет Лондона, Роял Халлоуэй) на темы «Academic Skills» и «Contemporary Culture of Great Britain» (на английском языке). Желание познакомиться с западной академической культурой собрало молодых исследователей со всего Южного федерального университета.

Рис. 1. Участники конференции «Утопические проекты в истории культуры на тему “Город Солнца”»: в поисках идеального локуса»

Торжественное открытие конференции «Утопические проекты в истории культуры» состоялось 7 декабря в зале заседаний Ученого совета ЮФУ. С приветственным словом к участникам конференции обратились и.о. проректора по научной и исследовательской деятельности Анатолий Викторович Метелица, председатель программного комитета, директор Института философии и социально-политических наук Елена Владимировна Сердюкова, научный руководитель ИФиСПН, заслуженный деятель науки Геннадий Владимирович Драч.

На пленарном заседании с докладами выступили: председатель европейского общества исследователей утопии, профессор Лондонского университета Грегори Клейс, профессор факультета искусств университета Барселоны Рикардо Иглесиас, профессора ЮФУ доктора философских наук: Г. В. Драч, Т. С. Паниотова, В. Д. Бакулов.

Рис.2. Приветственное слово и.о. проректора ЮФУ А. В. Метелицы
Стоит: А. В. Метелица. Сидят (слева направо): Е. В. Сердюкова, Т. С. Паниотова.

Грегори Клейс в своем докладе «Marx for Twenty-First Century» охарактеризовал влияние теории К. Маркса на утопическую мысль XXI века, подчеркнув актуальность его учения. Основное внимание профессора Клейса было сосредоточено на той части марксистской теории, которая касалась связи концепта «Труд» и утопической мысли о всестороннем развитии личности.

Идея универсализма работников привела, по мнению докладчика, к таким явлениям, как индустриальное рабство, вытеснение с предприятий узких специалистов, автоматизация производства. Роботы стали все больше походить на людей, а характер труда современных рабочих и служащих все больше напоминает действия робота.

Рис. 3. Профессор Г. Клейс (Великобритания) с переводчицами.

Близким, с точки зрения внешних проявлений утопической идеи совершенного человека, но другим, с точки зрения подходов к исследованию, стал доклад испанского коллеги Рикардо Иглесиаса на тему «Cuerpo, estética y utopia tecnológica». Круг рассматриваемых вопросов касался эстетики технологической утопии. По мнению исследователя, идеальным «локусом» для утопической идеи всестороннего развития индивидуума стало человеческое тело. Сегодня под влиянием технодарвинизма, проективного и трансформационного сознания тела людей стали рассматриваться как объекты постоянного, небывалого, часто нарушающего естество усовершенствования (пластическая хирургия, трансплантология, протезирование, клонирование, вживление микрочипов и т. д.). Однако тело - пустая оболочка, и поэтому другим направлением развития современной культуры и техники, причем порожденным той же утопической идеей, с точки зрения Р. Иглесиаса, стало совершенствование человекоподобных роботов - попытки наделить киборгов не только интеллектом, но и душой. И снова тот же вывод: роботы стали все больше похожи на людей, а люди - на роботов.

Экзогенный (из человека в машины) и эндогенный (из машины в человека) векторы современной культуры, обозначенные профессором из Барселоны, не только фокусирует на себе всеобщий праздный и научный интерес, но и мировые деньги фундаментальных научных исследований.

Рис. 4. Справа налево: профессора Т. С. Паниотова и Р. Иглесиас (Испания), переводчик.

Тема совершенного человека в самых разных аспектах не раз потом будет подниматься на конференции, например, в докладе доктора философских наук М. А. Богдановой об олимпийском проекте П. де Кубертена.

Глубокий историко-философский анализ утопического наследия Томмазо Кампанеллы прозвучал в докладе Г. В. Драча, доктора философских наук, заслуженного деятеля науки РФ, профессора ЮФУ. Неоднозначный, но многое объясняющий исторический портрет итальянского утописта XVI в. Т. Кампанеллы был составлен на фоне разбора аристотелевского традиционализма, пантеизма, рационализма, сенсуализма, органицизма и других философских учений. Трактат «Город Солнца» подарил социальной теории безграничность человеческого энтузиазма. Начиная с Кампанеллы природа стала восприниматься как бесконечное, а не как гармоничное самодостаточное целое (по Аристотелю). Социальная идея Кампанеллы раздвинула человеческие горизонты в постижении мира, с одной стороны, но с другой - она, как и другие утопии, по убеждению докладчика, является «страшной вещью в своей целеустремленной прямолинейности».

Доктор философских наук, профессор ЮФУ Т. С. Паниотова посвятила свое выступление и яркую презентацию архетипу города в истории утопической мысли. Город смог воплотить в себе идеал античного совершенства - симметрию. Эстетика геометрического порядка прочно вошла в структуру утопического идеала и стала знаком, неотъемлемым признаком идеального локуса в утопии. Но город-эталон сохранил не только эстетические идеалы античности, но и стал приобретать функциональные характеристики, необходимые для реализации ключевых утопических идей. Доклад Таисии Сергеевны задал один из векторов общего обсуждения на конференции.

Завершал пленарное заседание доклад доктора философских наук из ЮФУ В. Д. Бакулова «Теоретико-методологические основы сравнительного анализа утопии и утопизма». Утопия ответственна за накопление идеалов. В фокусе внимания докладчика оказались смысловые метаморфозы идей, формирующих утопии, и механизмы появления превращенных форм утопических идеалов. В свете указанных трансформаций понятия «утопия» и «утопизм» не тождественны, их нужно разводить, что подтверждается теоретико-методологическим анализом, проведенным профессором В. Д. Бакуловым.

После дискуссий, которые продолжались и в кулуарах конференции, участники разделились на сформированные заранее секции. В связи с большим количеством желающих выступить было организовано пять секций и молодежный форум.

В секции № 1 «Утопия и современные утопические практики» было представлено 8 докладов. Модераторами выступили доктор философских наук, профессор Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина Л. Е. Яковлева и кандидат философских наук, доцент ЮФУ Е. А. Благородова, Ведущим аспектом анализа утопического в докладах этой секции стала тема образования в утопиях и проблема передачи и популяризации утопических идей (доклады Л. Е. Яковлевой, К. В. Савельевой (ЮФУ), Л. М. Ретинского (МГИМО)) Особенный интерес и бурную дискуссию вызвал доклад

Е. А. Благородовой, посвященный приложению «Instagram» как реализованной сегодня утопической практике. Вообще тема трансляции утопического в цифровую эпоху в пространстве компьютерных игр и социальных сетей активно обсуждалась на секции (доклады С. В. Тихоновой, Д. С. Артамонова). Другим аспектом, раскрывающим проблему передачи утопического образа жизни, стали доклады Д. А. Рубана, Т.К. Молчановой (ЮФУ) «Современная гостиница - городская утопия» и А. В. Хорунжего «"Идеальный строй жизни": социальная утопия К. Э. Циолковского» (РУДН).

Вторая секция (модератор кандидат исторических наук, доцент ЮФУ А. В. Корневский) была сфокусирована на проблеме идеального общества в политической истории. Здесь было заслушано 10 докладов.

Рис. 4. Работа секций конференции

Участники раскрывали исторические аспекты утопии, начиная с Византии (Н. Д. Николаева, ЮФУ) и заканчивая идеальной теорией справедливости Джеральда Коэна (С. В. Виноградов, НИУ «ВШЭ»). Интересен географический охват анализируемого политического дискурса (Россия, Европа, Южная Америка и др.) и спектр исследуемых общественно политических течений.

Одновременно с работой 1-й и 2-ой секций шли дискуссии и выступления в зале заседаний Ученого совета, где работала третья секция «Идеальные пространства в архитектуре, искусстве и литературе» (модератор - старший преподаватель ЮФУ Е. А. Чичина). Наиболее представительная секция (2 сессии, 27 участников) была посвящена утопическим проекциям в художественном творчестве. Предметом исследовательского интереса докладчиков стали литературные, архитектурные образы, а также кино-образы, наполненные утопическим содержанием. Важно отметить, что секция стала не только площадкой для дискуссий и обмена идеями уже состоявшихся ученых, но и своеобразной «пробой пера» для молодых исследователей – магистрантов и аспирантов (М.А. Романенко, Д.А. Александрович, П.А. Антоненко и др.).

В выступлении Е. А. Чичиной (ЮФУ) затрагивались фундаментальные вопросы связи утопии и искусства. Большинство докладов было посвящено литературному творчеству – «Контаминация жанровых признаков утопии и антиутопии в литературы XX века» М. В. Покотыло (РГУПС), «Утопизм античных пасторалей: «тоска по золотому веку»» Ю. С. Малик (ВГУ), «Дискурсивные практики противостояния угнетенных в антиутопии Маргарет Этвуд «Рассказ служанки»» А. В. Мальцев (ЮФУ) и «Модели реализации мифа в современной утопической литературе» Д. А. Александрович (ЮФУ). Ряд исследователей обратился к кинематографическим образам. Так, О. А. Джумайло (ЮФУ) анализировала репрезентацию идеализированного прошлого в фильме «Между рядами»; М. А. Романенко (ЮФУ) рассматривал трансформации утопической идеи в образах кино периода оттепели и перестройки. Доклад В. Е. Барышевой и Л. В. Желондиевской (МГХПА им. С. Г. Строганова) затрагивал вопрос о манифесте как стратегическом инструменте формирования визуальной системы. Авангардистские манифесты начала XX в., заключающие в себе утопические идеи, существенным образом повлияли на формирование реальности, прежде всего художественной. Выступления Т. Б. Батыр Тараклийский госуниверситет, Молдова) и П. С. Антоненко (ЮФУ) касались преломления утопической идеи в реальности: в первом случае речь шла об экспериментальном городе-общине «Город Рассвета» (Индия), во втором – о влиянии диктаторских режимов правления на формирование визуального об-

раза города.

Четвертая секция, также заявленная в 2-х сессиях (28 участников), была посвящена философским аспектам утопизма (модератор доктор философских наук, профессор Е. В. Золотухина). Тематика докладов подтверждает, что утопия в целом, отдельные утопические идеи, утопический тип сознания и мышления - это широчайшее поле для философского анализа. Безусловно, во многих докладах отправной точкой были произведения Т. Кампанеллы. Так, связь трудов Т. Кампанеллы и Э. Фромма стала предметом исследования Е. В. Золотухиной, представления Т. Кампанеллы о равенстве представлены Т. Н. Самсоновой в свете гуманистического антропологизма и натурфилософии.

Аспекты реализации социального утопизма освещались в докладе профессора ЮФУ И. Г. Палий. Доктор социологических наук Н. В. Литвак (МГИМО), говоря об актуальности для научного исследования философских аспектов «Утопии», обратил внимание слушателей на логические противоречия между предлагаемыми подходами и их результатами в утопических произведениях, а также на актуальности внешнеполитического дискурса и самих основ «утопической» внешней политики. Судьба утопического жанра в России представлена в интерпретации доктора философских наук, доцента РУДН А. М. Орехова.

Пятая секция «Утопические идеи и эксперименты в истории культуры» была не менее представительной: в две сессии было заявлено 36 докладов. Модератором являлась кандидат философских наук, доцент ЮФУ Е. Ю. Липец.

Докладчики представляли самые разные попытки реализации утопических проектов в истории культуры. Одни проекты изначально (до момента реализации) опирались на стройные целостные утопические системы взглядов. Им посвящен ряд интереснейших докладов, например, выступления кандидата исторических наук А. В. Хорунжего (соавтор - А. Ю. Герасина, РУДН) «От “Покорения космоса” к “Построению счастья”»: коммунитарный эксперимент Виктора Куассака»; доктора философских наук М. А. Богдановой (ЮФУ) на тему «Утопизм олимпийского проекта П. де Кубертена»; кандидата философских наук А. Н. Раевского (ЮФУ) «Утопия будущего в эсхатологии движения Нью-Эйдж»; кандидата философских наук, доцента ЮФУ А. Ю. Браерской «Женская идентичность в контексте утопического дискурса: концепция С. де Бавуар»; аспиранта ЮФУ В. О. Хвостиковой «Дезурбанизм М. Охитовича в контексте градостроительных дискуссий 1920-30-х гг.». Другая часть докладов была посвящена проектам, которые получили утопическую идеологическую окраску в процессе реализации. Об этом доклады: аспиранта А. В. Козловой (Европейский университет в Санкт-Петербурге) «“Ребятчий город солнца”: ретроспективное переосмысление утопических проектов советских пионерских лагерей “Артек” и “Орленок” в интерпретации их участников (1957-1991)»; кандидата филологических наук, доцента МГТУ им. Г.И. Носова С. Л. Андреевой «Хрустальный дворец для всеобщего счастья: объективация идеи идеального дома для идеального будущего»; кандидата философских наук, старшего преподавателя ЮФУ О. С. Кирилловой «Утопическая Россия»: проекты музеефикации и конструирования туристических маршрутов» и др.

Судьбы реализованных утопических экспериментов разные. Первые либо заканчиваются неудачей, как эксперимент Виктора Куассака; либо полностью отклоняются от первоначальной утопической идеи, как олимпийский проект П. де Кубертена. Вторая категория экспериментов - проекты, окрашенные в утопические тона, намного удачнее (экономически состоятельнее) первых (Crystal Palace; офисы-утопии; лагеря «Артек»; «Орленок»; коммерческие туристические маршруты по несуществующим историческим объектам и т.д.). И те и другие проекты рождены утопическим сознанием и/или паразитируют на нем, однако в любом случае они заслуживают изучения. С этой мыслью были согласны все участники секции № 5. Вновь согласимся с Ф. Аинса: «Изучение различных моделей и утопических интенций, лежащих в основе истории идей, позволяет нам обнаружить в “энциклопедической” перспективе все начато и незавершенное в мыслях, политике и культуре. Это богатая панорама позволяет почувствовать силу, которой обладает утопическая функция в различных формах

своего выражения, от философии до искусства, от политических платформ до альтернативных опытов, осуществляемых в пространстве политики» [1, с. 8]

Параллельно с секциями проходило заседание молодежного форума, где начинающие исследователи говорили об оппозиции утопии и дистопии в современной культуре. Форумом руководили М. С. Желтикова (аспирант, СКГИИ) и А. О. Зуева (студент ЮФУ). Все доклады были посвящены утопическим и антиутопическим аспектам в современном кинематографе, литературе и архитектуре. По завершении конференции были подведены итоги конкурса лучших научных студенческих докладов молодежного форума «Утопия vs дистопия в современной культуре». Вручены дипломы I, II, и III степени А. Зуевой («Мечтают ли андроиды об электроовцах?»), А. Манюхину («Утопии в культуре Китая. Мифы или проекты будущего») и А. Носовой («Тема ликвидации насилия в антиутопиях («Заводной апельсин» и «Возвращение со звезд»)).

Несмотря на научный статус конференции, был проведен ряд тематических культурно-просветительских мероприятий. В их число вошли – экскурсия и выставка работ студентов Академии архитектуры и искусства «Идеальный город» (руководитель профессор Е. С. Логоватовская). Конференция завершила работу подведением итогов модераторами секций и вручением сертификатов участников. Однако дискуссии и обмен мнениями не закончился.

Актуальность тематики и продуктивность конференций 2018 и 2016 гг. наводит на мысль, что в стенах гостеприимного Южного федерального университета междисциплинарные научные исследования утопического сознания нашли свой «идеальный локус».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аинса Ф. Кризис и воскрешение утопии (пер. с испанского Т.С. Паниотовой) // Утопические проекты в истории культуры : сб. материалов Всероссийской (с международным участием) междисциплинарной научной конференции «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию утопии Т. Мора)». Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2017, С. 6-13

2. Паниотова Т. С. «Утопия» между фактом и вымыслом // Утопические проекты в истории культуры : сб. материалов Всероссийской (с международным участием) междисциплинарной научной конференции «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию утопии Т. Мора)». Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2017. с.26-31.

3. Утопические проекты в истории культуры : сб. материалов Всероссийской (с международным участием) междисциплинарной научной конференции «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию утопии Т. Мора)». Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2017. 308 с.

S. L. Andreeva (Magnitogorsk, Russia)
V. O. Khvostikova (Rostov-on-Don, Russia)

UTOPIC TYPE OF CONSCIOUSNESS AND THE SEARCH OF AN IDEAL LOCUS: SCIENTIFIC CONFERENCE ON THE 450TH ANNIVERSARY OF T. CAMPANELLA

Abstract. Utopian type of consciousness has multiple manifestations in history and culture. Utopia can be considered as a form of realization of social forecasting and positive and progressive phenomenon for the development of human civilization; as a form of social limitation, leading to a totalitarian ideology, inspiring fruitless hopes, forming false values and ideals. The technical and technological capabilities of modern humanity have strengthened the idea of the attainability of heaven on earth and the dream of creating ideal social relations. The question “How to arrange life?” is inseparable from the search for the ideal space. Finding a place (perfect locus) means running time and bringing the dream closer. Not hundreds, but tens of thousands of scientific treatises have been written about utopia, however, this point has not yet been reached. This was proved by the II All-Russian (with international participation) interdisciplinary scientific conference "Utopian projects in the history of culture on the theme "The City of the Sun ": in search of an ideal locus", which was held in Rostov-on-Don, 6-8 December, 2018, at the site of Southern Federal University

(with financial support from Russian Foundation for Basic Research). The scientific forum was dedicated to the 450th anniversary of the birth of T. Campanella, the Italian philosopher, revolutionary, utopian socialist, theologian, author of the cult utopia "The City of the Sun". The article contains an overview of interesting and diverse reports, as well as general results of the conference.

Keywords: utopia, utopian type of consciousness, Tomaso Campanella, interdisciplinary scientific conference, philosophy, cultural studies, philology, history, sociology.

REFERENCES

1. Ainsa F. Krizis i voskreshenie utopii (per. s ispanskogo T.S. Paniotovoi), Uto-picheskie proekty v istorii kul'tury : sb. materialov Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii «Utopicheskie proekty v istorii kul'tury (k 500-letiyu utopi T. Mora». Rostov-na-Donu, Izd-vo «Fond nauki i obrazova-niya», 2017, pp. 6-13.

2. Paniotova T. S. «Utopiya» mezhdru faktom i vymyslom, Utopicheskie proekty v is-torii kul'tury : sb. materialov Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) mezhdistsip-linarnoi nauchnoi konferentsii «Utopicheskie proekty v istorii kul'tury (k 500-letiyu utopi T. Mora». Rostov-na-Donu : Izd-vo «Fond nauki i obrazovaniya», 2017, pp.26-31.

3. Utopicheskie proekty v istorii kul'tury : sb. materialov Vserossiiskoi (s mezhdru-narodnym uchastiem) mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii «Utopicheskie proekty v istorii kul'tury (k 500-letiyu utopi T. Mora». Rostov-na-Donu, Izd-vo «Fond nauki i obrazovaniya», 2017, 308 p.

Андреева С. Л., Хвостикова В. О. Утопический тип сознания и поиски идеального локуса: научная конференция к 450-летию со дня рождения Т. Кампанеллы // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 62-69.

Andreeva S. L., Khvostikova V. O. Utopic Type of Consciousness and the Search of an ideal Locus: Scientific Conference on the 450th anniversary of T. Campanella, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 4, pp. 62-69

Сведения об авторах

Андреева Светлана Леонидовна - доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И.Носова, г. Магнитогорск, Россия; 216zamsv@mail.ru

Хвостикова Василина Олеговна – аспирант Института философии и социально-политических наук Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; hvostikovavasilina@mail.ru.

Authors:

Svetlana L. Andreeva, Associate Professor, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Pedagogical Education and Document Management Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), 216zamsv@mail.ru

Vasilina O. Khvostikova, Postgraduate Student, Institute of Philosophy, Social and Political Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; hvostikovavasilina@mail.ru

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Журнал «Гуманитарно-педагогические исследования» публикует:

– статьи *ученых*, а также рецензии на опубликованные научные издания последних 2-х лет;

– статьи *аспирантов, магистрантов* при условии предоставления рецензии кандидата или доктора наук соответствующей научной специальности либо в соавторстве с научным руководителем;

– *сообщения* к юбилеям ученых, научных школ или научно-практических изданий.

Принимаются статьи по результатам научных исследований в **области педагогики и образования**, также по **общественным и филологическим наукам**.

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

К рассмотрению принимаются материалы, соответствующие *следующим критериям*:

– статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы;

– уровень оригинальности материалов должен быть не менее 70 %;

– максимальное количество авторов – не более 3-х, за исключением статей по результатам экспериментальных исследований;

– представляемые в редакцию материалы не должны быть ранее опубликованы в других изданиях или в данный момент находиться на рассмотрении в других журналах;

– представленные статьи, рецензии, сообщения должны соответствовать принятым правилам оформления (см. Требования к оформлению).

Публикация статей бесплатная.

ГРАФИК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В 2019 г.

Выпуск № 1 – до 15 января 2019 г.,

Выпуск № 2 – до 15 марта 2019 г.,

Выпуск № 3 – до 15 мая 2019 г.,

Выпуск № 4 – до 15 сентября 2019 г.

ТРЕБОВАНИЯ

**к материалам, направляемым в журнал
«Гуманитарно-педагогические исследования»**

Порядок представления материалов

Материалы представляются в электронном виде на адрес электронной почты <igo@magtu.ru> **в одном письме** с темой «**В журнал “Гуманитарно-педагогические исследования”**» в нескольких файлах:

1. Текст статьи (рецензии/сообщения) с аннотацией и ключевыми словами, сведения об авторах на русском языке.

2. Информация на английском языке (аннотация, ключевые слова, транслитерация библиографического списка, сведения об авторах).

3. Скан-копия заверенного бланка согласия (см. Бланк согласия),

4. *Скан-копия рецензии для аспирантов и магистрантов, заверенная печатью (в документе отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале).

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора (например, **Иванов1, Иванов2, Иванов3, *Иванов4**).

Требования к оформлению

1. Текст статьи (файл 1) предоставляется в электронном виде и создается в текстовом редакторе Microsoft Word с расширением **docx**.

Расположение и структура текста внутри статьи:

УДК – в левом верхнем углу 1-ой страницы статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации

И.О. Фамилия автора (Город, Страна) – в правом верхнем, полужирным курсивом указываются инициалы и фамилия автора, затем обычным курсивом город и страна (на русском языке).

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ – по центру заглавными буквами, полужирным (на русском языке). Название статьи должно полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Название статьи не должно превышать 13 слов(=100 знаков). Не следует употреблять в названии аббревиатуры (кроме общеизвестных), а также допускать скопления знаков препинания (: () /), а также оборотов (*на примере...*). Не рекомендуется начинать формулировку названия со слов: «*О...*»; «*К ВОПРОСУ/ОБСУЖДЕНИЮ...*»; «*ИСПОЛЬЗОВАНИЕ...*».

Аннотация – объемом **200-250 слов** на русском языке, отделяется от текста статьи пропуском строки. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования *актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования*. Не следует повторять название статьи.

Ключевые слова – на русском языке 5–8 слов (терминов), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, все поля – 2 см, абзацный отступ – 1 см.; ориентация – книжная, перенос автоматический (без заголовков). Между словами текста делается один пробел (два и более не допускается). При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Текст рекомендуется структурировать

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание *материала* и *методов* исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

Языковые примеры выделяются в тексте курсивом, примеры из художественных текстов должны иметь ссылки на источники в подстрочных постраничных ссылках (не в список литературы). Допускается цитирование любых первоисточников, однако в список ссылок НЕ следует включать ссылки на такие материалы, как: неопубликованные работы; государственные документы (постановления правительства, законы и т.д.), исторические документы, газетные статьи, словари, художественные произведения.

Дефис должен отличаться от *тире*, например: *историко-культурное* и *конец XIX – начало XX вв.* Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления числовых периодов и дат: с. 39–41, 1920–1935, Т. 1–3.

Рисунки, таблицы и графики должны иметь названия, а в случае если их в статье несколько, то нумерацию. Таблицы размещаются непосредственно в тексте статьи, нумеруются по порядку. Следует придерживаться принципа единообразия: все таблицы должны иметь тематические заголовки либо все без исключения не иметь названий. Вся информация в графиках набирается кеглем 12 основного шрифта.

Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» («»), внутренние – «лапки» (“”).

При наборе римских цифр используется латинская клавиатура: VIII, XV, II, III. *Не допускается:* У111, ХУ, П, Ш.

При наборе *не допускается использование стилей, не задаются колонки.*

Не допускается *применение автоматических списков* (перечней).

Ссылки и литература. Библиографические ссылки на русском языке, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Для ссылок на научную литературу используются *затекстовые* ссылки, а на цитируемые литературные произведения, газеты, полевой материал и архивные документы, нормативные акты *подстрочных сносок* со сквозной нумерацией по тексту статьи.

Подстрочная сноска (первичная) представляет собой полную ссылку на источник.

¹Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки. М. : Проспект, 2006. С. 305-412.

Подстрочная сноска (повторная) при последовательном расположении первичной и повторной ссылок:

¹Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки. М. : Проспект, 2006. С. 305-412.

²Там же. С. 306.

Подстрочная повторная сноска среди прочих ссылок:

¹²Языков Н. М. Указ. соч. С. 631.

¹³ГАРФ. Ф. 1234. Оп. 1. Д. 345. Л. 56.

¹⁴Тарасова В. И. Указ. соч. С. 387.

¹⁵Там же. С. 388...

³² О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 ноябр. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³³Лэтчфорд Е. У. С Белой армией в Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака: [сайт]. [2004]. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Число авторов. В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены **ВСЕ АВТОРЫ**. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al."

Гурьянова И. В., Испулова С. Н., Клещева Е. А., Кузьменко Н. И., Слепухина Г. В., Халикова Д. А. Комплексное сопровождение субъектов инклюзивного образовательного пространства : монография с международным участием / отв. ред. Н. И. Кузьменко. Новосибирск : Изд. АНС «СибАК», 2017. 132 с.

Затекстовые библиографические ссылки на пристатейный список должны быть оформлены в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц для опубликованных печатных изданий - [1, т. 2, с. 25].

В тексте:

[10, с. 81] или [10, с. 106]

В затекстовой ссылке:

10. Бердяев, Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Если текст цитируется не по первоисточнику, то в начале отсылки приводят слова «Цит. по:», например, [Цит. по: 13, с. 16].

Затекстовые ссылки располагаются в разделе **ЛИТЕРАТУРА** с 1-м отступом от текста. Порядок расположения источников в списке – алфавитный. Автоматическая нумерация не применяется. Источники на иностранных языках подаются в оригинале и не подвергаются затем транслитерации в разделе **REFERENCES**.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Общий объем статьи (с аннотацией, ключевыми словами, библиографическим списком, на русском и английском языках) от 10 000 до 40 000 знаков с пробелами (не должен превышать 1 авторский лист.) (См. Образцы оформления статьи на русском и английском языках).

Сведения об авторе на русском и английском языках. Оформляются в конце статьи в таблице.

Таблица

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень /Academic degree, звание / rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of a place of work	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / The address for a mailing group	

Для аспирантов и магистрантов – кафедра, факультет /институт, учебное заведение, город, страна.

Внимание! Телефон (не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail (публикуется); почтовый адрес (не публикуется).

2. Информация на английском языке (аннотация, ключевые слова, транслитерация библиографического списка) (файл 2).

Тема статьи / рецензии / сообщения на английском языке.

Раздел **Abstract** содержит качественный (не машинный) английский перевод русского версии аннотации.

Раздел **Keywords** включает международные аналоги употребляемых терминов.

REFERENCES содержит транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». При автоматической транслитерации нужно выбирать версию BSI. Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке, например: ... *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2016, no 6, pp. 12-17.

Названия городов указываются полностью: М. : - в «References»: Moscow.

3. Скан-копия заверенного бланка согласия (файл 3). Согласие оформляется по образцу (см. прикрепленный файл *Blank soglasiya*). Бланк высылается после прохождения нормоконтроля, перед направлением на рецензирование. Подписывается всеми авторами (и соавторами в одном документе), заверяется по месту работы или учебы (аспирантов/магистрантов), заверяется печатью данных организаций. Сканируется.

5. *Скан-копия рецензии для аспирантов и магистрантов (файл 4), заверенная печатью (в документе отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале). Оформляется, если статья присылается не в соавторстве с научным руководителем. Сканируется.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ

Главный редактор – доктор пед. наук, профессор, профессор **Ольга Владимировна Гневэк.** – рабочий тел. – 8 (3519) 229961, e-mail: igo@magtu.ru

ГОДОВОЙ УКАЗАТЕЛЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ 2018 г.

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общие вопросы педагогики	Год	№	Стр.
Р. В. Пуэнтес, Ц. Г. Цоелхо Кардосо, П. А. Пруденте Аморим, М. В. Мусийчук СИСТЕМА ЭЛКОНИНА-ДАВЫДОВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (1958 2015)(на англ. яз)	2018	2	6-13
Н. А. Бахольская К ВОПРОСУ О РОЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МИФОЛОГЕМ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ ПЕДАГОГОВ	2018	4	12-17
Педагогическое образование	Год	№	Стр.
Н. Я. Сайгушев, О. А. Веденева ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ВУЗОВ К ВОЖАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ КОНТЕКСТНОГО ПОДХОДА	2018	4	6-11
Т. Г. Неретина, И. Ю. Исаева ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ	2018	1	6-11
Профессиональное образование	Год	№	Стр.
О. Е. Чернова МЕТОДИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В СИСТЕМЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ГОРЕ»)	2018	1	37-45
А. С. Андрионина ОБРАЗ МАЛОЙ РОДИНЫ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА ПЕДВУЗА	2018	3	6-10
Л. В. Оринина, И. В. Кашуба МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА	2018	3	11-15
Общее образование	Год	№	Стр.
А. В. Подгорская ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ ШКОЛЬНИКОВ (ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД)	2018	3	16-20
Методика обучения и воспитания	Год	№	Стр.
Е. С. Потрикеева К ВОПРОСУ ОЦЕНИВАНИЯ УЧЕБНИКА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	2018	1	31-36
Т. В. Дроздова ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ МОНОЛОГИЧЕСКОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В ВУЗЕ	2018	2	30-35
Педагогика и методика начального образования	Год	№	Стр.
О. А. Блинова, И. Г. Чугаева ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	2018	1	12-23
Инклюзивное образование	Год	№	Стр.
Н. Ю. Андрусак, Т. А. Безенкова АНАЛИЗ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	2018	1	24-30
Т. Г. Неретина, Т. В. Кружилина, Т. Ф. Орехова ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ	2018	2	14-23
С. А. Бурилкина, А. С. Каминский СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	2018	2	24-29

II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

История	Год	№	Стр.
Ю. Д. Коробков, Н. С. Королёв ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕНЬШЕВИЗМА В 1917 г.	2018	1	54-61
А. Е. Любецкий ВСЕСТОРОННЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН)	2018	2	42-52
А. В. Безруков ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ВОЛГО-КАМЬЯ В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ДО Н.Э. - ПЕРВЫЕ ВЕКА	2018	3	21-28

ГODOVOЙ УКАЗАТЕЛЬ

Н.Э. (ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ) (на англ. яз)			
В. В. Филатов УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В РЕПРЕССИЯХ ПРОТИВ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ И В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ	2018	3	29-36
Т. Г. Пашковская ИСТОРИЯ МИГРАЦИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕТОДОЛОГИИ	2018	3	37-42
Ю. Д. Коробков, Н. С. Королев МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	2018	3	43-52
Е. В. Аркаев, Н. Н. Макарова ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МАГНИТОГОРСКА: ЭТАПЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ПОИСКИ НОВЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ РЕШЕНИЙ (1953–1964)	2018	4	18-17
Е. М. Буряк, Н. В. Свистова ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕТСКИХ ДОМОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОРОДЕ МАГНИТОГОРСКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	2018	4	28-35
И. О. Колдомасов КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ» В ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ ВРАГА И СОЮЗНИКА)	2018	4	36-43
Архивоведение	Год	№	Стр.
М. Ю. Киселев СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРХИВНОГО ДЕЛА В АКАДЕМИИ НАУК (1728-1991 гг.)	2018	1	46-53
М. Ю. Киселев АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК – ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ПО ИСТОРИИ НАУКИ (1992 2017 гг.)	2018	2	36-41
Психология	Год	№	Стр.
Е. И. Шулева ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБРАЗА МИРА И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ	2018	1	62-67
Р. В. Пуэнтес, А. М. Лангарези ТЕОРИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В РАБОТАХ Л. А. ВЕНГЕРА (на англ. яз)	2018	2	50-53
III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ			
Языкознание	Год	№	Стр.
С. А. Анохина «НЕНОРМАТИВНАЯ НОРМА» УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОПИСНЫХ БУКВ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ	2018	1	81-89
Т. Ю. Залавина, Л. И. Антропова ВАРИАНТНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА ПОРИЦАНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ	2018	2	54-61
А. М. Юсупова ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРА В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ	2018	2	62-67
О. В. Петешова АЛЛЮЗИЯ КАК СПОСОБ СОГЛАСОВАНИЯ ТОПОНИМОВ ПРИ ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	2018	3	67-70
Н. Р. Уразаева ЦЕННОСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «WEG» В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	2018	3	71-79
Литературоведение	Год	№	Стр.
Т. Е. Абрамзон, А. В. Петров ШУТОЧНЫЕ НОВОГОДНИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	2018	1	69-80
Т. Б. Зайцева ПЕРСОНАЖ-«ПСЕВДОНИМ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕХОВА	2018	2	68-72
С. В. Рудакова, В. В. Цуркан КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В ПРОЗЕ А. БИТОВА	2018	3	53-58

Э. Карими Риabi ОБРАЗ ПРОРОКА МУХАММАДА В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА	2018	3	59-66
А. В. Петров, Н. В. Ярина «ЕСЛИ БЫ КТО-НИБУДЬ ПРИЗНАЛСЯ МНЕ В ЛЮБВИ, ЧТО ЖЕ ВЫШЛО БЫ?»: РОМАН «ОТЦЫ И ДЕТИ» В ВОСПРИЯТИИ ЕЛИЗАВЕТЫ ДЪЯКОНОВОЙ	2018	4	44-50
О. М. Буранок, К. Н. Савельев ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ О. УАЙЛЬДА	2018	4	51-55
Михина О. В. РАДУШНАЯ И БЕЗДУШНАЯ РОССИЯ В КНИГЕ С. ШОЛЛЬ «RUSSLAND MIT UND OHNE SEELE»	2018	4	56-61

IV. К О Б С У Ж Д Е Н И Ю

Педагогика	Год	№	Стр.
О. В. Гневэк, Л. И. Савва РАЗВИТИЕ ВОЖАТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ К ОСВОЕНИЮ ПРОФЕССИЙ БУДУЩЕГО	2018	2	73-78
Филология	Год	№	Стр.
Л. П. Дядечко, Х. Вальтер РАССУЖДЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПЕРЕИЗДАНИЯ «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА»	2018	1	90-97
Д. С. Бужинская РОЛЬ МЕДИЙНО-РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	2018	3	80-85

V. Н А У Ч Н А Я Ж И З Н Ь

Конференции	Год	№	Стр.
Андреева С. Л., Хвостикова В. О. УТОПИЧЕСКИЙ ТИП СОЗНАНИЯ И ПОИСКИ ИДЕАЛЬНОГО ЛОКУСА: НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 450-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т. КАМПАРЕЛЛИ	2018	4	62-69
Обзоры научной литературы			
С. Л. Андреева ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ	2018	1	98-107
Юбилей			
Е. Н. Деревскова ЛЮБЯЩИЙ ЯЗЫК ДА ВКУСИТ ОТ ПЛОДОВ ЕГО. К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО	2018	2	79-83
Международное сотрудничество			
М. Н. Потемкина РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА «ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ – ПУТЬ К ТОЛЕРАНТНОСТИ» В МГТУ ИМ. Г.И. НОСОВА	2018	3	86-90